

Ян Рубенс

**Сложнее, чем
кажется**

Ян Рубенс

Сложнее, чем кажется

«Издательские решения»

Рубенс Я.

Сложнее, чем кажется / Я. Рубенс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833506-8

Молодой известный художник Ян Рубенс — эгоцентричный и эпатажный, действительно гениальный, рано ставший успешным. И его друг — Константин Холостов — не менее одаренный музыкант. На чем строится дружба двух талантов? Отличается ли она от дружбы обычных людей? И от чего она разрушается? Цена каких ошибок измеряется в годах? И бывает ли мужская дружба?

ISBN 978-5-44-833506-8

© Рубенс Я.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Книга Рубенса	6
Фамилия	6
По памяти	11
Мы работаем с именами	17
А ты бы смог?	18
1% интеллектуального капитала	21
Зачем ему знать	25
Послушная рука	27
В мельчайших деталях	30
Второе решение	34
Так должно быть всегда	39
О чем она?	41
Немного свежего воздуха	45
Анубис	47
Карандашный портрет	51
Шоковая терапия	56
Отмолчимся	59
Через две палаты	62
Очень хороший год	64
Извините, я опоздал	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Сложнее, чем кажется

Ян Рубенс

© Ян Рубенс, 2016

ISBN 978-5-4483-3506-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Книга Рубенса

Фамилия

- У меня когда-нибудь будут друзья?
- Конечно будут!
- Вряд ли кто-нибудь захочет дружить с таким...

– Когда ты вырастешь, с тобой захотят дружить все. Найдутся люди, которые будут все тебе прощать. Всего тебя прощать.

- А я буду виноват?
- Наверняка. Все мы в чем-то перед кем-то виноваты.

Мальчику исполнилось двенадцать лет – моложе Микеланджело, когда тот набрался наглости поступить в ученики к Джирландао. Карандаш он держал уверенно лет с трех, приемы штриховки и различные материалы освоил к пяти.

Еще совсем юн, но уже чрезвычайно привлекателен: невысок, но фигурка точеная; черты лица тонкие, глаза серо-зеленые светлые, нос прямой, ровный, линии губ и бровей четкие. Темно-русые волосы стригли ему коротко.

Первый портрет, написанный с него художник на Монмартре три года назад, сделал то, чего не сделало зеркало, – раскрыл ему его собственную красоту.

Жуковский не знал, чему его учить, но считал, что художественное образование необходимо мальчику хотя бы формально – как условие и условность современного общества. В художественной школе новый ученик был предоставлен самому себе: обычно сидел в углу мастерской и рисовал то, что приходило в голову или попадалось на глаза.

Иван Геннадьевич хорошо изучил историю своего подопечного: в его жилах текла княжеская кровь. Любящие родители, бабушка, прабабушка – счастливое семейство. Но – автокатастрофа. И нет ни прабабушки, ни родителей. Маленький ребенок в один миг лишается всего – благополучия, родительской любви, уюта, а по каким-то причинам – наследства (в эти юридические тонкости Жуковский не вникал). Но он помнил, как поймал маленького чужака в своей школе полгода назад – на воровстве красок. Хотел пристыдить, пригляделся: неестественно худой, в дорогой по тем временам, но уже изрядно поношенной одежде, – мальчик не пытался сбежать. Жуковский наклонился к нему как можно ниже, заглянул в лицо, хотел посмотреть в глаза:

- Ты у нас учишься?
- Нет.
- Это твои краски?
- Нет.
- Зачем ты их берешь?
- Мне нечем рисовать.

Жуковский выпрямился. Что значит, если ребенок явно из какой-то особенной семьи, идет на воровство простых акварельных красок?

- Как тебя зовут?
- Ян.
- А фамилия?
- Рубенс.
- Ты шутник?

– Нет. Я – Ян Рубенс.

В обычной двухкомнатной хрущевке пахло корвалолом. Здесь Ян жил с бабушкой, которая тихо умирала в маленькой комнатке, отдав внуку большую. Зачем Жуковский сюда пришел? Пока единственное, что смог себе объяснить: жалко парнишку, вдруг смогу помочь? В конце концов, у него в животе урчит, а он краски ворует... Купил по дороге кое-какой еды и лекарств – Ян сказал, что нет совсем ничего.

Подошел к бабушке... Такие лица встретишь у русских мастеров XVIII века. И вдруг слабым, но невероятно чистым голосом женщина (да, сразу не старушка, а именно женщина!) произнесла:

– Я не знаю, кто вы, но прошу вас, поверьте: таких, как мой внук, теперь нет. Последний, кто был до него, умер в начале XVI века. Его звали Леонардо... Помогите ему, когда я умру. Больше у него – никого...

«Кому помочь? Леонардо? Зачем я сюда пришел...» – Жуковскому стало неловко, он растерянно поклонился больной и вышел к Яну.

– Ну! – потер он свои большие ладони. – И что ты рисуешь? Давай посмотрим! – Иван Геннадьевич звучал громко, казался воодушевленным, пытаясь приободрить не то Яна, не то самого себя.

Комната, что побольше, была обставлена традиционно отживающе для того времени – лакированная стенка темного дерева, несуразно огромный овальный стол с бледно-желтой клетчатой скатертью, похожей на покрывало. Четыре стула вокруг, с подушечками, расшитыми, может, еще бабушкой бабушки. В углу софа, напротив – черно-белый телевизор на широкой пузатой тумбе. Громоздко, тяжеловесно.

И среди этой советской безвкусицы – холсты, листы бумаги и картона, обрывки блокнотных страниц. Все изрисовано, исчерчено, исписано. Как и полагается, лицом к стенам – картины, в явно самодельных рамах.

– Можно?

Ян кивнул, поджал губы и съезился где-то в углу, глядя в пол. Жуковский все так же ободряюще, но все же несколько снисходительно похлопал его по плечу: мол, не бойся, сильно критиковать не буду, подскажу что-нибудь. И взял первую попавшуюся картину, примерно метр на полтора, вертикальной развертки. Надо же, с большой площадью работает! Смело для двенадцати лет. Сейчас посмотрим... И он повернул ее лицом к себе.

И тут время для Жуковского сжалось, в сущности – на всю жизнь. Сжалось вокруг худенькой фигурки, прижавшейся к стене у входа в комнату. Сжалось, потому что бабушка, кажется, была права...

Целая жизнь уместилась на холсте метр на полтора. Иван Геннадьевич издал звук, похожий на всхлип: не мог вдохнуть. Кто он? Кто он – Жуковский – рядом с этой Мадонной? И какое право он имеет вообще кого-то чему-то учить? Он даже не подмастерье...

Классический сюжет. Каждый художник должен пройти через это, у каждого должна быть своя Мадонна. На картине, видимо, мать мальчика, с младенцем на руках. Если бы Жуковскому еще два часа назад сказали, что мальчик в двенадцать лет нарисовал Мадонну, – он бы улыбнулся, умилился и подумал бы ровно так: классический сюжет. И только. А что ему думать теперь?

Что за техника? Кто еще так писал? Это его собственная манера? Он же совсем мальчишка! Откуда свет? Как он это решил? Как добился такого объема?

А какие у нее глаза! Глаза...

Время оставалось сжатым. Жуковский понял, что если сейчас обернется, не сможет и секунды смотреть в глаза ребенку, о котором только что думал так снисходительно. Стыдно. Мальчик! Ты знаешь, кто ты? Как обернуться к тебе? Как тебя называть? Что сказать и о чем спросить? Можно я запишусь к тебе в ученики? А ведь тебе всего двенадцать лет...

Мадонну будто убрали под залитое дождем стекло... Слезы? Мне сорок два! Я тридцать лет о них не вспоминал.

Иван Геннадьевич поклялся себе поставить мальчика на ноги.

– Ян Рубенс?

– Да... – Ян с готовностью оторвался от стены и робко двинулся к Жуковскому, вытягивая шею. – Вам нравится? Это моя мама. Она... погибла. Разбилась на машине. С папой. А на руках – я. Но, правда, с фотографии. С моей. А мама, она из памяти. Я ее... помню.

– Рубенс... Ты не будешь великим художником.

– Почему?

– Потому что ты уже... великий художник.

– Я?

Жуковский решил больше ничего не смотреть. Он оставил Яну денег, подошел к бабушке и пообещал никогда, никогда не оставить ее внука без помощи. Женщина посмотрела пристально. Выдохнула. И больше уже никогда не вдохнула.

ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ

С Костей Холостовым они работали почти год. Получалось хорошо. Им не исполнилось и девятнадцати, когда их первый сингл вошел в топ в первую же неделю радиоэфира. Еще через одну вышел на первое место в национальном чарте одной из самых авторитетных музыкальных радиостанций. А радио тогда развивалось сумасшедшими темпами. Директор группы строил планы на Европу. Америку не рекомендовал – там другой менталитет, а тексты на английском, – они поймут слова, но не смысл, что будет губительно для дуэта на этапе становления.

– Почему английский? – спросил Костю Рыжий, барабанщик, самый старший в составе группы.

– Я рос за океаном, для меня английский – родной язык. И музыка та – тоже родная. Я не хочу писать на русском.

– Но у нас на английском никто не пишет и мало кто понимает. Ты не боишься, что тебя не примут?

– Боюсь. Но я не хочу писать на русском, – Костя всегда гнул свою линию. – Зато, благодаря Рубенсу, в Европе нас принимают на ура, – умел он оценить не только собственный вклад.

Первый альбом пришлось записывать спешно: публика требовала концертов, а ездить не с чем. Работали на износ, и Ян почти не рисовал – от усталости и нехватки времени.

Только несколько карандашных набросков Холостова...

И вот они готовились отмечать свое девятнадцатилетие – угораздило родиться в один день одного года. Костина подружка Марина усиленно флиртовала с Рубенсом, недвусмысленно намекая на какой-то суперподарок. Свoločь... Между прочим, у ее парня день рождения в тот же день! При чем тут я? Яна воротило, и он пытался заставить себя не радоваться тому, что между Костей и этой лахудрой намечается раскол.

Конечно, Марина была не лахудра, но в глазах Рубенса заслуживала еще и не таких «званий».

Холостов делал вид, что ничего не замечает, ценил неприступность и неподкупность Яна, но с опаской ждал, когда же тот сдастся.

Про Марину все знали всё: мужчины – смысл ее жизни. Костю ценили за терпение и уважали – за то, что добился статуса ее официального парня. Но она не переставала охотиться за любыми «достойными джинсами». А Рубенс был «очень достойными джинсами», и Костя это прекрасно понимал.

Особо стойкие с «лахудрой» ссорились, чем вызывали острое ее недовольство. Однако девица она была видная, стержовная, весьма неглупая, поэтому отказывали ей немногие, хотя подобное нарушение границ и грозило крупной ссорой с Холостовым. Ян «держался» уже

четыре месяца. Он не любил Марину всей душой – как только можно не любить подружку человека, которого считаешь своим другом. Тем более раздражало Яна, что она постоянно пыталась то прижаться к нему, то погладить, то потрогать – за плечо, за локоть, за руку. И вот, после очередных прижиманий Марины в студии, Костя не выдержал:

– Ян, поговорить бы...

– Да, конечно, – Ян всегда готов с ним говорить. – Покурим? – Они вышли на лестницу. – Что-то случилось?

– Случилось давно. Просто надоело на это смотреть, – Костя уселся на ступеньки, глубоко затянулся. – Я вижу, как она возле тебя крутится.

– Не думай даже! Ради бога... – Рубенс схватился за перила, отклонившись при этом назад, будто пытаясь удержаться на ногах. – Ничего у меня с ней не может быть.

Ему хотелось сказать что-то очень важное, то, что заставит Костю никогда больше не переживать и забыть про возможное соперничество: никакую девчонку Ян у него не уведет. Но сейчас он не был готов сообщить это «важное», да и неизвестно, готов ли Костя такое «важное» услышать. Ян не придумал ничего лучше, чем ляпнуть:

– У меня тоже есть своя Марина. И кроме нее мне никто не нужен, – ну, придется, видимо, учиться врать и про это.

– Тоже Марина?

– Ну не Марина она, конечно. Хотел сказать, что у меня есть девушка. И я не собираюсь ей изменять. Не в моей натуре. Хотя, ты, говорят, можешь легко.

– Так я же для тренировки! – Костя улыбнулся и гордо расправил плечи. – Форму-то нужно поддерживать!

– Ну, твоя Марина точно так же к этому относится. Поддерживает форму.

– Да знаю я, – с досадой отмахнулся Костя. – Но ты же понимаешь: нам можно – им нельзя. Все просто.

– Понимаю. Но и ты пойми, у нее тоже все просто: раз можно тебе, можно и ей. К тому же, она тебя заполучила. Она спокойна, никуда ты не денешься.

– Нет, – что-то щелкнуло в Костином тоне. – Не заполучила. Меня никто не заполучил. И не заполучит.

– Я понимаю тебя. Но она считает тебя своим парнем. Своим собственным.

– Я... – перебил Костя. – свой. Я только свой собственный.

Он был противоположностью Яну во всем: чистокровный и абсолютный любитель женщин, коих перебивало у него множество, помимо Марины. Безусловно уверенный в своей исключительности, в своем музыкальном и вокальном таланте, и уверенный небезосновательно. Прямолинейный, бескомпромиссный, агрессивный скептик и провокатор: судил резко, оценивал жестко, рубил с плеча. Всегда воинственный, всегда с вызовом, зачастую непредсказуемый. Демонстративно хамить, эпатировать, «брать на слабо» – его хобби.

Завоевать его доверие было чрезвычайно сложно, его побаивались.

Но Костя был до восхищения притягателен! Продюсер ухватил в нем главное: плохой мальчик, отрицательное обаяние. Искрометное чувство юмора. Умен, начитан и образован. С ним хотели дружить, к нему буквально набивались в друзья. Он никого не подпускал. И Яна тоже долго не подпускал.

Рубенс любил рисовать Костино лицо, особенно в моменты, когда тот слушал только что записанные песни: суровое, даже немного злое. Нахмуренные брови, плотно сжатые губы. Сосредоточенный, застывший в одной точке взгляд. И эти губы...

Фигуру Кости он всегда рисовал по памяти.

На их дне рождения Марины не случилось. В студии она тоже больше не появлялась. А после разговора про нее парни начали сближаться, стали говорить больше и о большем. И Ян показал Косте свои картины.

Костя смотрел долго. Смотрел внимательно. Он не мог оценить художественных достоинств работ, но его эстетического воспитания хватило, чтобы понять, с кем ему повезло оказаться рядом.

– Так ты гений? – ухмыльнулся Костя. Ухмыльнулся, хоть и понимал, что это лишнее. Но уж очень не хотелось выглядеть пафосным.

– Ну! Еще какой! – закатил глаза к потолку Ян, пытаясь подхватить тон – не то шуточный, не то едкий: Костю иногда сложно понять.

– Еще какой... – и куда-то делась ухмылка, и голос прозвучал тише, задумчивым эхом Рубенсовых слов.

– Прекрати, – растерялся Ян. – В музыке мне до тебя все равно далеко, – он все еще не привык к тому, что им восхищались.

– А в живописи мне до тебя – никогда. – и Костя не повел привычно плечом, не фыркнул, не хмыкнул. Не увидел Ян ни одной из его фирменных штук, призванных демонстрировать безразличие к своим же словам.

Это первая фраза, которую Костя Яну – просто – сказал.

С того дня Холостов пытался разобраться в себе: хочет ли он быть с этим человеком потому, что тот явно больше, чем талант, и за ним явно больше, чем будущее современников? Или же Ян просто замечательный человек, на него можно положиться, ему можно доверять и так далее? А может, и то, и другое?

И Костя учился укрощать свой строптивый нрав, умирять свой «дурной» характер, набирался храбрости открыться. Давалось с трудом, но он пробовал на слух слово «друг», испытывал на прочность слово «всегда», пытался осознать смысл слова «рядом».

Но почему именно он? Скромный, робкий, стеснительный... Наверное, желание дружить с кем-то конкретным, так же необъяснимо, как желание любить. Способов испытать того, кого считаешь другом, – много, но есть ли способ испытать себя? Проверить собственную способность дружить? Интересно, кто-нибудь пытался так ставить вопрос? Холостов таким вопросом задавался.

Есть в этом парне то, что мне категорически не нравится? Ничего не приходит на ум.

Как проверить искренность и истинность своей дружбы?

По памяти

После того как не стало бабушки Яна, Жуковский с великим трудом, но оформил опеку над Рубенсом, и мальчик переехал в его двухкомнатную квартиру. Там жил сам Иван Геннадьевич, его жена Надежда – скульптор и реставратор, и их двадцатилетний сын Александр. Он и разделил с Яном свою девятиметровую комнату, где поставили двухъярусную кровать, и новый член семьи занял место на «втором этаже».

– Ничего, скоро переедем, у каждого будет свой угол, – ободрял Жуковский.

– Углы, пап, у нас и так есть. Нам бы по комнате, – посмеивался Саша.

Ян чувствовал себя неудобно. Он хотел бы чувствовать этих людей родными, но сам себе казался лишним, чужим. Приемные родители делали все, чтобы избавить его от этого ощущения. Саша тоже старался помочь неожиданному брату влиться в семью. Он помнил, как однажды, придя домой почти ночью, папа заявил:

– Я хочу, чтобы у нас жил Леонардо да Винчи.

– Милый, почему не Микеланджело? – мама тогда, естественно, ничего не поняла. Так же как и Саша.

– Надя... ты не знаешь, кого я сегодня встретил.

Потом папа принес работы какого-то Яна Рубенса. Саша не смог высказать свое мнение, он собирался заниматься в жизни другими делами и плохо разбирался в искусстве, но, взглянув на эти «детские» рисунки, понял одно: папа так не может.

Мама сидела над ними долго. Рассматривала, откладывала в сторону, пересматривала и раскладывала перед собой. Портреты. Женщина – красивая, с изящными чертами лица, волосы разбросаны по плечам, она как будто только что обернулась. В глазах – отчаяние. Нет... Скорее – предчувствие неотвратимой беды. Видимо, очень скорой. Мужчина – немного резковатые и жесткие линии, прищуренные глаза напряженно разглядывали что-то за тобой, поверх тебя. Опять женщина, здесь моложе. И взгляд другой – светлый, счастливый, легкий. Ребенок лет шести. Папа сказал, что это и есть Ян, только сейчас он старше. Автопортрет.

– В шесть лет? – удивился Саша.

– Нет. Здесь ему пять.

– А написан?

– Тогда же.

Саша не поверил, пока не перевернул лист и не увидел дату, неуверенным детским почерком выведенную на обороте. Писал этот мальчик хуже, чем рисовал.

Снова женщина, опять мужчина, ребенок. Линии жестче, углы резче, штрихи размашистые, тени черные. Даты? Два года назад. Четыре года назад. Полгода... дорога, дождь, восход... взгляд – сверху. Саша зажмурился:

– С фотографии?

– Нет... по памяти.

Груда металла, недавно бывшая двумя автомобилями, выведена карандашом с фотографической точностью так, что становится жутко: нельзя запоминать такой кошмар. Недалеко от этой груды – два тела: мужчина чуть дальше и женщина чуть ближе. Неестественные, неживые позы. Еще кто-то – на заднем сиденье одной из машин, такой же неживой. Вот несутся «скорые» и милиция, но они еще далеко, а тела так близко... Дата – полгода назад. Очень близко. А мальчику тогда – четыре года.

– Невозможно хранить в памяти этот ужас! Так подробно, столько лет! Можно с ума сойти, – Саша снова перевел взгляд на портреты. Родители. И ему стало жутко. Запомнить своих отца и мать такими – переломанными, окровавленными, возле разбитых автомобилей... Он бы не хотел.

Рассмотрев последний рисунок, Саша ушел к себе. Огромное пространство заполнено людьми: в форме, в халатах, с блокнотами, рулетками, чемоданчиками; в «скорые» грузят на носилках кого-то, с головой накрытого черной клеенкой; машины гуськом объезжают огороженный участок дороги. А в центре, – не сразу заметная, но главная фигурка: мальчик на ящике, сидит, поджав ножки, съежившись, прижимая к себе какой-то предмет... игрушку? Альбом! А рядом с ним – никого. Пустота. Он один. И кажется даже, что никто не появится рядом, так и останется мальчик сидеть, вцепившись в альбом. Навсегда.

Раньше Саша не считал себя впечатлительным.

ВДОХ-ВЫДОХ

После очередных гастролей Ян и Костя сидели вдвоем на кухне. Огромную квартиру в пентхаусе нового дома предоставил им продюсер группы – одну на всех. Оба вокалиста – Ян и Костя, и пять музыкантов могли жить здесь в любое время. Так удобнее: отрабатывать начальные версии новых песен, обсуждать аранжировки, репетировать акустические варианты.

Тут же Ян сделал себе мастерскую.

Кухня просторная, светлая. Все разошлись в тот вечер, и они остались вдвоем. Костя развалился в большом кресле перед маленьким столиком, Ян устроился на диване, поближе к креслу. Их разделяли только два подлокотника.

Летом темнеет поздно, поэтому, начав пить пиво в шесть вечера, они быстро потеряли счет времени. Разговор, как обычно в последнее время, вели серьезный, о чем-то глобальном. О чем – никто из них никогда не вспомнит, но в тот момент он казалось важным, оба были вовлечены в тему, обсуждали что-то пылко и жарко. Изменилось все внезапно.

– Ты зачем повесил паузу? – спросил Костя, покручивая бутылку на колене.

– Знаешь, мы с тобой уже насколько откровенны друг с другом, столько всего за эти почти два года было...

– Ну? – Костина бутылка перестала крутиться.

– Наверное, подло – врать близким людям. – свою бутылку начал крутить Ян, внимательно разглядывая этикетку.

– Ну?

– Я тебе должен сказать одну вещь...

– Так. Марина? – Холостов перенес свое пиво на подлокотник и плотнее уселся в кресле.

– Да какая Марина?! – Ян резко встал, подошел к мойке, начал растирать пальцем капли в раковине.

– Ты кого-то убил? – осенило Костю.

– Если бы! – почти с надеждой вскрикнул Рубенс. – А ты бы остался мне другом тогда?

– Ну... – Костя дернул бровью, скривил губы в одну сторону, в другую, склонил голову влево, вправо... – смотря кого бы ты убил. Если сволочь какую, я б вообще на тебе женился!

Надо же было сейчас вот именно так пошутить! Именно сейчас! Ян судорожно сжимал бутылку, забывая из нее пить.

Костя заметил, что кончики пальцев его побелели. Да что с ним? Курит третью сигарету подряд. И что он там возится в раковине? С сигаретой...

Значит, мой вариант не худший? Ну а как я сейчас скажу? Что он подумает? После всего, после всех этих бань и совместных ночевки в гостиницах на одной кровати. Спали вместе столько раз, ноги друг на друга складывали. Он ведь не сможет не вспомнить. Зачем я решился? К таким разговорам готовиться нужно, нельзя так спонтанно. А теперь... сказать «давай договорим завтра» – нелепо. Я все равно должен сказать. Рано или поздно...

Он посмотрел на Костю, их глаза встретились, и Ян тут же отвернулся. Не смогу. Уйдет. А музыка? А друг?! Но сколько раз он язвил, что «наш директор, кажется, педик»...

– Ты не много куришь? – прервал Костя его мысли. – И может, уже скажешь, что соби-
рался? Как-то затянулась пауза.

– Я боюсь, – Рубенс резко выдохнул, – боюсь тебя потерять. Боюсь, что вот скажу сей-
час... и ты исчезнешь. Не захочешь больше видеть меня, выступать на одной сцене, петь в один
микрофон. Дружить не захочешь. Боюсь...

– Ян, я сдаюсь. У меня не хватает фантазии, – Костя раздраженно постукивал доньшком
бутылки по колену и тоже забывал пить. Что с ним такое? Что такого страшного он собирается
мне сказать?

Рубенс развернулся, растер влажные от капель кончики пальцев и вернулся к дивану.
Вдох – выдох. Спину – прямо. Плечи – расправим. Вдох – выдох... Ну что ты сверлишь меня
глазами? Не видишь, как тяжело под твоим взглядом? А куда он должен смотреть, если главное
действующее лицо здесь – я? Но я – не жертва. А кто я? Эти тупиковые диалоги с самим собой
обстреливали Рубенса изнутри, не давая сосредоточиться... Сядь! – скомандовал он сам себе.
Получилось на край дивана. Ян уперся локтями в колени и снова закурил! Вот ведь... как
последнюю курю. Вдох...

– В общем, Костя, я... – затяжка, выдох, – гей.

– Чего?

Ну почему, чем сложнее ситуация, тем более банально и нелепо мы поступаем?! И тем
более неподходящие слова произносим! Ян как будто не услышал этого идиотского «чего».
А может, он и правда не услышал.

Костя сидел неподвижно... Он серьезно? Я столько раз издевался над этим, – в памяти
пронеслись пьянки и мужские посиделки, грязные циничные шуточки. Рубенс все это слы-
шал. А теперь решился сказать. Статью отменили не так давно. Уголовного кодекса. Еще пару
лет назад он за это мог сесть... У него руки дрожат. Не шутит ведь. Но у него – девушка, он
говорил. Я не видел с ним никогда ни одной девушки. В другом городе она. В каком другом
городе? Теперь вопросы взрывались в голове Холостова. Вот тебе и размышления о роли жен-
щин в нашей судьбе. Кажется, с этого начался разговор. Пару часов назад...

Иногда нет ничего хуже тишины. Мысли Рубенса замерли. И глаза поднять страшно,
и куришь, упираясь большим пальцем в подбородок, чтобы скрыть, как руки дрожат.
И слышно, как плавает в воздухе дым. И жутко неудобно сидеть, а пошевелишься – вообще
упадешь. Господи! Неужели всю жизнь мучиться?

Тишина нарушилась внезапно – бутылкой, выпавшей из Костиной руки. Толстое стекло
тяжело бухнулось на плитку пола, из горлышка полилось пиво. Пена. Никто не соби-
рался ничего поднимать. Только Ян подскочил на диване и еще яснее ощутил в ушах собственное
сердцебиение. Костя тоже вздрогнул и наконец очнулся:

– То есть ты – голубой?

Это, бесспорно, самое необходимое, актуальное и дружеское, что только можно сейчас
сказать!

...Ну, так, видимо, понятнее, чем гей. Или он хочет глумиться? Или просто не может
осознать? Видимо, нужно учиться говорить эту фразу вслух. Всего-то – два слова. Короче, чем
«я тебя люблю»... Ян уткнулся глазами в пол.

– Да, Костя, гей – значит голубой. Я – голубой. Гомосексуалист. – Рубенс раскачивался
всем корпусом вперед-назад... А если еще пару раз повторю? Можно нараспев. Похоже, у меня
истерика. – И я, Костя, не девственник. Я сплю с такими же... как я. Что еще ты хочешь услы-
шать?

– Ничего больше! – теперь встал Костя, подошел к мойке: сухая. Взял тряпку, вытер
разлитое пиво, поставил бутылку на стол, вернулся к мойке, включил воду, прополоскал тряпку
прямо в раковине, закрыл кран. Бессмысленно уставился на стекающую по жестяным стенкам
воду. Начал растирать пальцами капли. – Ты не шутишь, да?

– Это вопрос? – Ян чувствовал себя, как в зале суда, он ожидал вынесения приговора, а тот все откладывался. Не то обвинитель стоял перед ним, не то адвокат, Рубенс очень хотел разобраться.

– Нет. Я знаю, что не шутишь, – Костя тоже пытался осмыслить свою роль: прокурор он или защитник? – но вопросы лезут в голову дурацкие.

– Какие?

Костя дернулся:

– Я вслух сказал?

– Да. Не хотел?

– Я не знаю, что говорить. Даже не понимаю, что чувствую. – Костя стоял, не оборачиваясь к Яну, упираясь пальцами в грудь, глядя в раковину, и разговаривая с мойкой. – Хотя, нет... Почему-то чувствую себя идиотом. – он нервно хохотнул, оглянулся на безмолвного Рубенса. Тот сидел на диване, низко опустив голову и мерно постукивал себя по макушке сцепленными в замок руками... Что сказать? А вдруг ему страшно? А ведь ему страшно! А как успокоить? – Я, наверное, просто не верю. Я привык, что геи бывают только в кино, и то намеком, – «успокой» Костя. – Что, вроде как, в реальной жизни такого не бывает.

– Что... Промотать обратно пленку? Что сделать? – Ян вдруг вскочил, ударился ногой в стол, почти пнув его. – Да! Я такой! Я урод! Презирай меня, плюнь в меня! И пусть я перестану быть для тебя человеком! Но я такой!

– Не ори.

– А что мне делать? – Рубенс развел руки как можно шире, – Ты думаешь, я не вижу, что ты не хочешь верить? Не знаю, как брезгливо тебе сейчас? Думаешь, мне весело от того, что я... – он протолкнул накативший ком обратно в горло, – такой...

Последнее слово получилось совсем тихо. Вдох – выдох... Спокойно! Вдох – выдох. Всё. Ни вдоха, ни выдоха. Вот, не хватало разрыдаться сейчас. Кажется, давно все отревел... Ян почти упал обратно на диван и опять начал стучать себя по макушке.

– Скажи что-нибудь, – снова получилось очень тихо. – Не молчи, Костя.

– Я не собирался в тебя плевать. И мне не брезгливо. – Костя высоко поднял плечи, отвернулся и снова занялся каплями в раковине.

Перед глазами действительно понеслись галопом сцены из их совместного прошлого: узкие кровати в гостиницах, один матрас на двоих в каком-то ДК после концерта, кресло-кровать у кого-то в гостях, бани, сауны, каморка в студии. Судьба регулярно укладывала их вместе. Они закидывали друг на друга ноги и просыпались в обнимку, отворачивались и засыпали снова.

Вот это да, – подумал Холостов, – вот это дружба намечается...

Но ведь именно – дружба! Он вернулся в кресло, сел, подавшись вперед к Рубенсу. Нужно хотя бы казаться спокойным. Хоть один из них должен сейчас быть спокойным. Или – казаться.

– Почему ты мне сказал?

– Не знаю, – Ян все еще не поднимал на него глаз.

– Врешь. Уже самое важное произнес. Теперь давай договаривай: зачем?

– Я не могу больше врать. – Рубенс стал растирать себе колени обеими руками, стирая с ладоней пот. – Я устал от девочек, которых ты мне регулярно подсовываешь, мне тяжело. Я не могу поддерживать разговоры о женщинах – они мне неинтересны. Ни разговоры, ни женщины. В конце концов, если ты считаешь меня другом, ты должен знать, какой я на самом деле, не придуманный. Может быть, тебе такой друг не нужен вообще. Ну и... лучше, чтобы ты узнал от меня, чем потом кто-нибудь тебе донесет. Вроде вот так.

Ян соврал. Он легко мог обсуждать женщин и еще со школы делал тонкие, меткие замечания, и хорошо разбирался в женской натуре. А разговоры эти его даже, наверное, развлекали, он их почти любил. Вернее, любил наблюдать за мужчинами в таких разговорах. Только

не с Костей. С любыми другими парнями – пожалуйста, обсудит хоть всех женщин мира. Но не с Холостовым. Буря поднималась в нем до самого горла, и хотелось заткнуть, заткнуть Костю и орать ему о том, что все эти телки его не стоят и ему не нужны! И становилось все больнее и почти невыносимо держать себя в руках. Но, конечно, легче сказать, что и разговоры неприятны, и женщины неинтересны.

Костя был непривычно растерян. То, что твой друг гей, – в общем-то, не смертельно, да и, собственно, мог бы сам догадаться. И вообще... геи не фантастические создания, в конце концов. А какие они? Какая разница, какие они все. Важно, какой Ян.

– Еще что-нибудь? – Холостов подергивал щекой, как будто пытался усмехнуться, но никак не получалось.

– Нет, всё...

– Тогда посмотри на меня уже. В глаза мне посмотри.

Ян медленно перевел взгляд со своих коленей на стол, на Костины руки, сжатые в замок, на надпись на его футболке, на небритый подбородок, на такие же небритые щеки. Колющие... И вот, наконец – глаза.

– Ура, – буркнул Костя. – Мы победили? Да? – он поднял брови, как будто предлагал ребенку взять конфетку, чтоб тот не плакал.

– Наверное, – пожал плечами Ян.

– Я так понял, было сложно.

– Да. Да, было.

– Но все хорошо сейчас?

– Не знаю, Костя. Ты мне скажи. Хорошо ли?

В ответ Костя снова поджал губы, покивал, подумал. И слова нашлись:

– Все нормально... друг.

Друг. Вот же оно, самое нужное слово. Поэтому, наверное, неважно, с кем он спал или спит: девочки, мальчики. Так почему важно-то, черт возьми? Костя откинулся в кресле, пытаясь выглядеть расслабленным, но сам не замечал, как хмурился. Почему важно? Он посмотрел на Яна: тонкий, звонкий, почти хрупкий, но с ладной фигурой, чертовски хорош собой... Холостов, бывало, засматривался... И вот сейчас Ян смотрит вниз, на свои руки, и так ясно видны его длинные, почти как у девочки, ресницы. У него высокий лоб и слегка волнистые волосы, даже, наверное, кудрявые: стрижется он коротко, а завитушки все равно видны. В меру скуластое – красивое лицо.

Зачем Костя разглядывает это лицо?

Ян вдруг поднял голову. В его глазах – испуганная просьба не обижать, но встретил он не просто удивление. В Костином взгляде читалось смятение, непонимание, он не рассчитывал встретиться взглядами... Наверное, хочет знать почему? Почему я гей? Если б я знал!

Взгляды разбежались в разные стороны.

А может, Холостов сделал вид, что все в порядке, потому что не хочет портить отношения? Чтоб не тошно было петь в один микрофон? Но ведь петь придется. Если Костя не откажется от него и не решит вернуться в соло.

Костя не решил вернуться в соло. Одному черту ведомо, сколько всего он передумал и перечувствовал за последние десять минут, но он честно пытался говорить об «этом», как о чем-то бытовом, обычном и обыденном:

– Ты кому-нибудь говорил уже? – можно снова закурить.

– Нет, – решили открыть еще пиво, одно на двоих.

– Но кто-то же знает? Ну, в смысле, из тех, кто не твой любовник. – Костя расставил стаканы, потому что, наверное, не стоит пить из одной бутылки вдвоем...

– Знает. Но не от меня. – с третьей попытки справился Ян с пивной крышкой. – Ты первый, кому я сказал сам.

– Это было смело, знаешь. Я бы так не смог, – Костя разлил пиво по стаканам: руки Яна еще заметно дрожали.

– Ты бы все смог. – Рубенс достал с полочки под столиком новую пачку сигарет. – Если хочешь, мы больше никогда не будем об этом говорить. Ты просто знай, что мне не надо навязывать девочек. Ну и все остальное... тоже знай, – язычок упаковки не слушался.

– Да мы можем говорить об этом. Мне несложно, – Костя взял на себя и пачку. – Правда, среди моих знакомых никогда не было геев.

– Да т-ты что-о? – Рубенс всей пятерней забрал из его рук сигарету, едва не сломав ее, и задержал на нем взгляд, полный саркастического удивления.

– Ну... я так думал, – и Холостов наконец-то засмеялся.

– С этого надо было начинать, – Ян сделал попытку усмехнуться. – Ты думал!

И все-таки, он победил. Двигаться уже не страшно. Сердце еще стучится куда-то в темечко, слишком быстро и слишком сильно, но и это скоро пройдет. Допив пиво, минут через двадцать, они разошлись по своим комнатам. Никто не хотел недоговоренностей, но все же, обоим надо осознать произошедшее.

Мы работаем с именами

Жуковский сделал невероятно много. Он заставил Яна отреставрировать рисунки и наброски, пострадавшие от времени и неправильного хранения: карандаш, соус, сангина – недолговечны. Всё обработали фиксативом, законченные работы проложили папиросной бумагой, сделали альбомы.

Живопись Иван Геннадьевич отнес в один из местных музеев – показать директору, своему хорошему приятелю.

– Что он делает в твоей школе? – удивился директор музея.

– Ничего. Формально проводит время. Даже не на всех занятиях бывает.

– А как у него дела в обычной, общеобразовательной?

– Нормально. Легко. Есть некоторые проблемы в общении...

– У него не может не быть проблем в общении. – директор задумчиво выпятил нижнюю губу, прохаживаясь вдоль работ Рубенса, расставленных в ряд. – Что ты хочешь, чтобы я сделал с этими картинами?

– Выстави. О них должны узнать.

– Но живописи маловато. В основном – карандаш. Талантливый карандаш, нечего сказать. Но маловато.

– Выстави хоть это, с другими художниками. Я не прошу персональную экспозицию.

– Ты же понимаешь, Иван... наш мир полон условностей. Даже если я возьму его, это вряд ли привлечет к нему внимание ученых мужей из Академии. Зато привлечет их внимание ко мне: кого такого я выставил? Чтобы признать талант этого юнца, нужно самому быть человеком зрелым. Вроде тебя.

– Что ты хочешь сказать?

– Что среди академиков таких сейчас нет. Меня не поймут.

– Ты не будешь его выставлять?

– Нет.

Жуковский обошел в городе всех, кто имел отношение к Академии. Все поражались, изумлялись, даже приходили в восторг, но никто не хотел устраивать выставку. И он сделал это сам. У себя в школе. В конце концов, он тоже директор!

Два года он возил картины Рубенса почти по всей стране. Его брали в небольших музейчиках, в других художественных школах, в домах культуры. Кое-где выходили статьи, в основном в молодежных изданиях. Многие хвалили, но те самые, официально признанные «ученые мужи» никак не хотели обращать на работы мальчика свое «высокое» внимание. Что ж, подросток – поклонник эпохи Возрождения, отличная техника, прекрасная работа с цветом, великолепное чувство объема, удивительно эмоциональная передача... А кстати, чем он пишет? Да, да, прекрасно. Но...

Но мальчику двенадцать, тринадцать, четырнадцать...

– У кого он учился?

– Ни у кого.

– Жаль. Мы работаем с именами.

Иван Геннадьевич уговаривал Яна выставить те рисунки, что так потрясли когда-то его самого. Но Ян отказался, а потом и вовсе их куда-то спрятал. Мог бы и не прятать – Жуковский не прикасался к его работам без разрешения. Он и в комнату к Яну без стука не входил.

С тех пор как они переехали, и мальчики обзавелись своими «углами», территория Рубенса считалась неприкосновенной. В Сашиной двери, например, замка не было, комната Яна запиралась изнутри и снаружи. Правда, когда уходил, он все-таки, ее не запирали – в знак доверия к приемной семье. Он действительно доверял этим людям.

А ты бы смог?

Этот пронзительный страх и чувство стыда останутся с ним навсегда. Будут зудеть внутри почти всю его сознательную жизнь. Даже когда изменится все вокруг, когда изменится общество, они останутся с ним.

С первого дня в художественной школе за Яном бегали все девочки, и старшие, и младшие. Еще бы! Такой загадочный красавчик – молчалив, необщителен, но с таким внимательным взглядом, с такой природной осанкой! Ошибочно, кстати, считать, что девочки в свои десять, а тем более в пятнадцать лет не могут оценить осанку.

Ян понимал, что ему уделяют внимания больше, чем другим, чувствовал себя неловко и с мальчиками общался так же мало, как с девочками.

Художественная школа находилась в старинном двухэтажном деревянном особняке. Полы скрипели от каждого шага. Он шел в туалетную комнату менять воду из-под красок и слушал доски под ногами. В узком коридоре стояло человек пять мальчишек из старшего класса. Ян хотел пройти мимо, но вдруг понял, что ему преградили дорогу.

– Здорóво! – звучало недобро...

– Привет... – Ян ответил испуганно. Он не знал с кем здороваются.

– Не ходил бы ты туда...

– Почему?

– Не твое дело.

Ян развернулся и пошел в туалетную комнату для девочек. Машинально. Ему же надо сменить воду.

Уже вечером, из разговоров он узнал, что в мужской туалетной целовались! Очень романтично! Целоваться в туалете я бы не хотел... А где бы я хотел? А с кем? – он задумался об этом впервые. А люди-то уже целуются вовсю! Сколько им? Тринадцать? Четырнадцать? Стало немножко завидно. Он начал перебирать в уме девчонок, но ни одна не вызывала у него желания целоваться. Может, я медленно развиваюсь?

И тут в углу зачирикали-защебетали:

– А вы знаете, что там целовались мальчики?

– А ты откуда знаешь?

– Я видела! Видела, как они туда заходили!

– Да ну, этого не бывает!

– Бывает! Мне одноклассница говорила, что бывает!

– И мне сестра старшая говорила – бывает! Мальчики друг друга любят и друг с другом целуются!

– А может, не только целуются?

И девчонки захихикали, попискивая от удовольствия: какие взрослые штуки они знают! Увидев, что Ян их слушает, сгрудились своей стайкой плотнее и захихикали еще громче, зашептались, затем одна из них, самая старшая, – лет пятнадцати, – повернулась к Яну:

– Эй, новичок, а ты бы смог поцеловаться с мальчиком?

«Да...» – ударило в голову и понеслось куда-то вниз. Но вслух он, конечно, ничего не сказал, только глянул волчком, боясь покраснеть. Как неожиданно отяжелели ноги!

– А то вот, мы с девочками смотрим, мы тебе не особенно интересны! – и они опять все засмеялись в кулачки.

Ян презрительно дернул плечом, и как мог быстро, вышел из класса. Душно! «Целовались мальчики... Такое бывает... А ты бы смог?» Он крутил в голове фразы.

Конечно, позже выяснилось, что мальчики вовсе не целовались, а банально курили. Но назойливые фразы в голове остались, не отпускало то чириканье-щебетание, и уже неважно было, что делали эти мальчики. Важно стало, почему фразы не забываются.

Он машинально ходил, машинально ел, автоматически отвечал на вопросы, почти не спал. Потом стал плакать по ночам. Что ему делать? Что это такое? Почему он все время об этом думает? Он даже почти видит!.. И опять плакал, и снова видел. Он еще больше похудел. А потом перестал рисовать. Не мог!

Эти незнакомые, незаконные мысли вытеснили все. С утра он ждал только одного: когда останется в одиночестве и будет думать, думать, думать, представлять, и снова плакать от стыда, непонимания и отчаяния. Но все равно ждал ночи – чтобы остаться наедине со своими мучительными фантазиями. Они пожирала его, затягивая с преступный, уже такой опасно взрослый сладостный мир.

Он слышал, как это называется. Неужели он такой?! Ему нужна помощь? Он болен? Кто объяснит? Его никогда никто не поймет?

Мальчишки в школе уже всю обсуждали девчонок. Ян не принимал участия в разговорах, более того, он быстро понял, что не способен разыгрывать тот живой интерес, так ярко сверкавший в глазах одноклассников. Его замкнутость не способствовала появлению друзей. Всегда один, – он еще долго будет к этому привыкать. Объект насмешек по любому поводу. Причине – банальная непонятность и зависть – слишком красив, слишком много взглядов притягивает, а за хорошую учебу слишком любим учителями. Ян был какой-то... отдельный. Он был непонятен им всем.

А еще слишком молчалив и совсем не смеется. Скоро они задумаются, почему он не обсуждает с ними девчонок, почему никого не дразнит, не толкает, не ставит подножки, не просит списать. Не задерживает взгляд, никому не улыбается... Что они тогда скажут? Но как пересилить себя?

Тогда Яну повезло: одноклассники были еще слишком юны, чтобы что-то заподозрить. А позднее – он научится. Научится поддерживать все эти обсуждения и даже давать советы мальчишкам от лица девчонок, за что, кстати, прослышет большим знатоком женской психологии (хотя такого слова его одноклассники еще знать и не будут). Процесс довольно мучительный, но годам к шестнадцати Ян справится, и с удивлением для себя обнаружит, что почти не ошибается – ни в советах, ни в девочках.

Но тогда, в тринадцать, он ничего не понимал.

Жуковские не понимали тоже. Скоро и Надежда Геннадьевна потеряла сон. Иван Геннадьевич пошел к знакомому терапевту, тот, конечно, помочь не смог. Посоветовал обратиться к психологу – может быть, у мальчика кризис переходного возраста?

– В конце концов, он на пороге полового созревания, – сказал врач, надевая пальто, – а вообще-то их ведь не поймешь, талантов этих...

Жуковских эти слова почему-то не утешили.

Дар художника напомнил о себе месяца через два. Ян разрешил себе «это» нарисовать. Стыдно. Боже мой, как стыдно! И он рвал редкие рисунки на самые мелкие кусочки и выбрасывал всегда в урну на улице. Такое нельзя оставлять дома: вдруг найдут? Думать тоже нельзя, но не думать не получалось. Не рисовать он пока еще мог.

Жуковский несколько раз пытался поговорить. Разговора ни разу не получилось.

– Надя, бесполезно. В четвертый раз я к нему не полезу.

– Но с ним происходит что-то серьезное. Как мы поможем ребенку, если не понимаем, что?

– Надя, он ведь действительно может... ну, может, он влюбился, например. Он мальчик чувствительный, сильно переживает всё, что с ним происходит. Гипертрофированно, я бы даже сказал...

– Похоже на правду, – задумалась Надежда Геннадьевна.

– Похоже.

– Но я чувствую, что это не правда.

– Надюш, ты у меня чуткая. Может, ты с ним поговоришь?

Однако, разговор не понадобился.

К Саше, родному сыну Жуковских, зашел приятель, за книгами: сессия на носу, а социология на полном нуле. Он появился в жизни Яна минут на пять, потом исчез из нее навсегда, даже имени не оставил. Да оно оказалось и не нужно.

Высокий, стройный, не очень красивый, но обаятельный, он улыбнулся и подмигнул. Скинул куртку, очистить от известки: измазался в подъезде. Крепкий, широкие плечи, под водолазкой рельефное тело. Видно, как напрягаются мышцы. Он специально такую носит! И в такт – щетка по куртке – шшик, шшик, шшик... Невозможно не смотреть. Стыдно. Боже мой, как стыдно! Но как красиво...

Ян стоял в дверях своей комнаты, прижимаясь щекой к косяку. В этом доме принято встречать и провожать гостей всей семьей.

Надежда Геннадьевна дала юноше воды, он попросил. Куртка, прижатая локтем, выскользнула, рука дернулась подхватить, Саша дернулся тоже, задел стакан гостя, и вода выплеснулась на водолазку.

– Ой, снимай скорее, я проглажу быстро, тут немного совсем, – засуетилась Надя. – Саша, ты-то зачем полез?

– Да все нормально, тут действительно немного. Не волнуйтесь, мы никуда не опаздываем. – и он. снял. водолазку. Всё. Полный крах. Теперь себя уже не обмануть. Воображение сделало все, чего не сделал гость. То, о чем он и помыслить не мог! И всё – за несколько секунд. Сколько бы отдал Ян, чтобы эти мгновения повторялись бесконечно!

– Тебе плохо, Ян? Эй, ты как? – голос донесся откуда-то очень издалека.

Ты ко мне? Мне плохо? Как я? Не знаю... Ян даже не видел Сашу прямо перед собой, голова кружилась, мысли испарились.

– Все хорошо, – прохрипел он, судорожно хватая воздух. – Я пойду. – И с трудом удерживая равновесие, он отступил в комнату, и закрыл за собой дверь... Где у меня полотенца?

Ян пошел на поправку и, пожалуй, повеселел, начал снова общаться – с Сашей, с Надеждой Геннадьевной, с Жуковским, стал полноценно есть, снова ходить в школу, даже с кем-то там подружился. Месяца через два всё, вроде, встало на свои места. Ян видимых признаков переживаний больше не проявлял.

Через полгода все обо всем окончательно забыли.

1% интеллектуального капитала

Эльза появилась в их доме неожиданно. В одну солнечную субботу, дня через два после шестнадцатилетия Яна, на пороге квартиры возникла блондинка с серо-голубыми глазами. Почти на голову выше Рубенса, волосы собраны в тугий хвост на затылке, подкрашена очень скромно, но с ее внешностью можно и вовсе не краситься. В руке – дипломат, каких Жуковские раньше не видели, – изящный, явно женский серый кейс. Одета девушка была строго, дорого и со вкусом.

– Здравствуйте, здесь живут Жуковские?

– Да...

– А Ян Рубенс?

– Это я.

– Отлично! Меня зовут Эльза, – и она протянула руку. Узкая кисть, изящные пальцы, ухоженные ногти. Крепкое рукопожатие. – Я могу войти?

Вся семья была в сборе. Жуковский вспомнил почти сразу: он видел эту девушку в одном городе, где устраивал выставку Рубенса в маленьком музее. Она собирала информацию для статьи в городскую газету. Оказалось, Эльза – дочь главы того города и младшая сестра какого-то столичного чиновника по международными делами. От скуки, не зная, чем себя занять, решила поработать в газетке, попала на выставку. И там все для себя решила. Как выяснилось, решила не только для себя.

– В этой стране еще мало кто знает, что такое бизнес. Но я бываю далеко за пределами нашей прекрасной родины, знаю французский и немецкий, вожу знакомство с «сильными мира сего» в странах гнивающего капитализма. Я готова проложить путь для вывоза за рубеж еще одного процента интеллектуального капитала. – она будто царица-лебедь провела рукой, указав на Рубенса.

– Простите, Эльза, сколько вам лет?

– Двадцать один. Вы мои года не считайте, считайте мои возможности и свои перспективы. Если вас интересует возраст, то брату моему тридцать семь, отцу – шестьдесят два, и оба готовы поддержать мои идеи. Собственно, без их поддержки меня бы здесь и не было. Вы хотите узнать, в чем заключаются мои предложения?

– Пожалуй, да.

– Но мне необходимо сразу уточнить пару моментов. Первое. Я очень надеюсь, что вы – не типичные носители нашей самой светлой в мире идеологии, так что если вам за картину предложат деньги, скажем, из Берлина или Парижа, – вы их возьмете. Таково мое предположение, хотелось бы его подтвердить. Так? ...Вы понимаете, о чем я говорю?

– ...Вполне...

– Тогда ответьте на мой вопрос. Я понимаю, что работы, по крайней мере, те, что мне удалось видеть, можно считать национальным достоянием. Хотя здесь это понимают пока, пожалуй, всего несколько человек, я уверена, что за рубежом мы найдем намного больше ценителей. Я намерена продавать картины за границу, и мне бы очень не хотелось получить от вас отказ от по идеологическим причинам. Я не получу отказа по идеологическим причинам?

– ...Н-нет.

– Отлично. Итак, представьте себе, что через месяц-другой вы получаете официальное предложение о покупке картины Рубенса, например, Берлинским музеем современного искусства, и цена вас устраивает, и картину эту вы согласны продать. Вы продадите ее Берлинскому музею? За немецкие марки, разумеется.

– А это возможно? – глаза у Яна блеснули.

Жуковский сидел онемевший. Надежда Геннадьевна – напряженная.

– Для меня возможно. Я объясню, но сейчас мне нужен ответ. Вы продадите?

– Я продам, – решил Жуковский. – И дело не в деньгах и не в Германии. Просто я понимаю, что только обходными путями его... – он показал на Рубенса, – можно вывезти отсюда, чтобы ввезти сюда же.

– Ой, ведь так сложно получить разрешение на продажу «туда», – попыталась возразить Надежда Геннадьевна.

– Об этом вам думать не надо, – уверенно отрезала Эльза. – Во-первых, его никто пока не знает, и нам это выгодно: таможня не вздрогнет, Минкультуры не потребует согласований. Во-вторых, даже если что-то будет мешать, все уладит мой старший брат. Вопрос снят?

– Вроде да... Но зачем это все вам? – Жуковский еще не понял, насторожиться или обрадоваться.

– А вот и второй момент. Я неслучайно начала свою речь со слова «бизнес». Я не мать Тереза. Я готова порвать всех и вся для успеха предприятия, но и сама хочу получать прибыль. Если мы договоримся об условиях, то завтра я принесу договор о нашем сотрудничестве. Приду с нотариусами и юристами, и мы сделаем так, что бумаги будут иметь силу в любой стране мира. Итак, условия?.. – Все кивнули. – По документам я буду являться официальным представителем, агентом художника Яна Рубенса, получу полномочия продавать утвержденные им и его опекуном (до достижения автором полного совершеннолетия) картины авторства Яна Рубенса юридическим и/или физическим лицам. По каждому лоту условия продажи согласуются отдельно. Наши договоренности документируются и юридически заверяются. От каждой легитимной сделки я получаю процент – не менее пяти, но не более сорока, – в зависимости от стоимости проданной работы, что прописывается в условиях по лоту. К примеру, если картина продается за сумму от десяти до пятнадцати тысяч долларов, то процент один, если от пятнадцати тысяч и одного доллара до двадцати тысяч – то другой. Чем больше сумма продажи, тем меньше мой процент, – и тут она поняла, что пора прерваться. – Вы меня еще понимаете?

– Простите, Эльза, сколько вам лет? – Жуковский готов был ахнуть. – Вы говорили?

– Да, говорила. Двадцать один. Поймите, я росла в особой семье, в особых условиях. Мой отец хочет, чтобы будущее мое было действительно светлым, поэтому регулярно отправляет меня за границу, знакомит с зарубежной культурной и деловой элитой. У нас же деловой элиты нет вообще, культурная, по большей части, сводится к идеологическим лидерам. Мой отец считает, что здесь учиться нечему, и учит меня «там». Да, вам, наверное, сложно понять мой язык... Я могу просто оставить бумаги, вы их прочтете, там есть комментарии... встретимся завтра или через несколько дней. Как захотите... – Эльза вздохнула.

Ей вдруг показалось, что все бесполезно, эти люди ни на что не решатся, а она – просто сумасшедшая идеалистка с утопическими фантазиями. Но тут Эльза встретила взглядом с Рубенсом. Как он красив...

– Я хочу! – Он не сводил с нее восторженных глаз. – Продолжайте, пожалуйста. Мне, правда, мало что понятно, я вообще еще маленький, но я хочу. Хочу, чтобы меня увидели, – и тут голос его дрогнул. А ведь и правда – хочу. И правда – важно!.. Так важно, что он до сих пор не признавался себе в этом.

В химии есть хороший термин – катализатор. И в психологии – актуализатор. Нам всегда нужен кто-то, кто запустит в нас процессы самосознания. Будь то чириканье хихикающих девчонок в художественном классе или вот эта деловая красавица из далекого мира.

...Странно, но самую важную правду мне раскрывают существа женского пола. Интересно, так будет всегда?

Жуковские с трудом преодолевали чувство неловкости: эта девочка, а для них она именно девочка, вдруг открыла им такую серьезную взрослую бездну.

Рубенс и не подозревал, что его судьбой уже заняты десятки человек! Конечно, в мировых масштабах ничтожно мало, но всех этих людей подняла своей одержимостью одна-единственная девушка. Ей было нужно. И это «нужно» останется с ней на всю жизнь. И с ним оно останется тоже.

Жуковский Яну перечить не стал, соглашение с Эльзой заключил, и это был первый договор такого рода в стране. Второй подобный появится только через несколько лет, и то – в столице.

Через полтора месяца была продана первая картина, покупателем действительно стал один из ведущих музеев Германии. Еще через неделю во влиятельном немецком журнале появилась статья о новом уникальном приобретении музея, с отзывами немецких критиков и небольшим интервью директора о том, как принималось решение о покупке. В материал включили фотографию автора и репродукцию самой картины. Эльза принесла Рубенсу перевод статьи вместе с оригинальным экземпляром журнала.

«...шаг, безусловно, рискованный – приобрести работу совершенно неизвестного даже в своей стране, шестнадцатилетнего мальчика. Но картина – необыкновенна, художник исключителен. Наши специалисты не нашли среди современных авторов аналог технике юного творца. Кроме того, манера мастеров эпохи Возрождения – уникальна для нашего времени, видно, что за ней стоит не один год изучения разнообразного историко-художественного материала. В итоге картина чрезвычайно нежна и искренна. С некоторых пор современному творчеству более свойственны угловатость и резкость, в работе Я. Рубенса – неожиданно непосредственное, тонкое выражение чувств. Этот визуальный язык ценен тем, что понятен каждому. И, конечно, не передать на словах уникальную энергетику, идущую с холста. Не поддавайтесь скромному очарованию репродукции, приходите взглянуть на оригинал. Полагаю, работа могла бы занять достойное место в любой знаменитой галерее мира, но она – у нас, и мы гордимся. Надеюсь, юный Рубенс создаст еще не один шедевр, и лет через сто о нас будут говорить как о первооткрывателях бесспорного гения...»

– Эльза, как ты думаешь... Я еще буду лет через сто?

– Обязательно будешь, Ян, – улыбнулась Эльза. Он ее первая победа, ее будущее. Благодаря ему, и она еще будет через сто лет.

В одном из берлинских банков на имя Рубенса открыли счет, куда поступило двенадцать с половиной тысяч немецких марок – чистая часть от сделки. Проценты ушли Эльзе и кому-то еще, по документам Ян никого не помнил, в юридических лицах не разбирался и полностью доверился своему агенту. Агент закусил удила и уже готовила вторую продажу.

Ян еще не осознал первую... Там живет Ван Гог! Теперь там живет и Ян Рубенс... Он начал учить немецкий.

Мама... я думаю, тебе там будет хорошо. Может, потом к тебе приедет и папа. А нас с тобой я не отдам. Правда, мама... мне плохо без тебя... так тебя не хватает. Что бы ты сказала? Согласилась бы. А папа гордился бы... точно... Твои любимые художники теперь с тобой рядом. Ты – рядом с ними!.. Я давно не плачу, мама, я держусь. Но ты мне так давно не снилась... – и Ян проплакал над репродукцией весь вечер.

В ту ночь ему приснилась мама.

Через год уже два европейских музея выставляли его работы, несколько холстов разошлось по частным – опять же европейским, галереям, еще три картины дополнили частные зарубежные коллекции. Как все получалось, Ян не знал, всем занималась Эльза. В ее кабинете, располагавшемся уже в здании городской администрации, шкаф ломился от официальной переписки, договоров, счетов и отчетов, от зарубежных журналов с публикациями о Рубенсе и его творчестве.

– Тебе пора брать секретаршу, – пошутил Ян.

– Частные предприятия разрешили, нужно оформить. – Эльза разбирала очередную стопку бумаг. – И нам требуется более серьезное прикрытие: тобой наконец-то заинтересовались «культурные» чиновники, могут начать давить. Дай бог, чтоб нам хватило ресурса.

– Не совсем понимаю, о чем ты, но верю. Ладно, я пошел. Скоро конец четверти. Учебники, что ли, почитать...

– Правильно, а то все какой-то ерундой занимаешься! Картинки рисуешь!

– Правда что! – они улыбнулись друг другу, обменялись поцелуями в щеки, и Ян ушел домой.

Иногда Эльзе казалось, что он не такой уж и маленький: слишком уверенно двигается, слишком хорошо следит за собой, что мальчикам в этом возрасте не свойственно... Всегда ухоженный, опрятный и явно знает цену не только своим холстам, иначе, не подчеркивал бы так откровенно свою отличную фигуру. А ничего фигурка! Для его-то возраста...

И она опять принималась себя ругать.

Зачем ему знать

Тем летом Жуковские решили отправить Яна в пионерлагерь – нужно успеть: пионеров уже не было, лагеря еще оставались. Саша с июня работал вожатым и пристроил Яна в старший отряд, хотя ему почти исполнилось пятнадцать.

Родители знали, что в этот же лагерь едет вожатой некая Оля. Зачем Саше знать, что мама дружит с ее родителями? Он не хочет афишировать отношения, – имеет право.

– Вроде, большой уже, имеет право на личную жизнь... – Надежда Геннадьевна усердно натирала и так уже скрипевшие тарелки. – Но хорошо так рассуждать, когда все знаешь. А если б не знали? А если б не понравилась нам эта Оля? Искренны ли мы в своем великодушии? Или просто удобно устроились? Действительно ли признаем его право на свободу?

– Ты не слишком увлекаешься рефлексией, Наденька? – опешил Иван Геннадьевич. – В первое же утро после их отъезда!

– Ну, может быть... – Надежда оставила тарелку в покое. – А как ты думаешь, Ваня... у Яна кто-нибудь есть?

– Вряд ли. По-моему, он вообще пока асексуален.

– Тебе не кажется это немного странным?

– Нет, не кажется. Всему свое время. Я тоже заинтересовался девушками только лет в шестнадцать. Ты будешь прибираться в его комнате?

– Да, пора сделать там генеральную уборку. Особенно вдоль стен. Перенеси его работы в коридор.

– Хорошо, – и Жуковский пошел в комнату Яна.

Десять квадратных метров, три на три с половиной. Напротив двери – окно, под окном, на полу, матрас (от кровати Ян отказался). Днем матрас ставился вдоль батареи под подоконник, чтобы освободить место на полу. Обдумывая работы, Ян расхаживал по комнате. Подскакивал к мольберту, когда сформируется идея. А потом снова ходил от стены к стене в поисках следующей.

Слева от двери – большой шкаф для одежды, рядом – письменный стол. Жена Жуковского переживала, что свет из окна падает справа, уроки делать неудобно... Но Ян просил ее не волноваться. Посреди комнаты – два мольберта. К стене напротив письменного стола, на уровне груди приделано нечто вроде столика в поезде. На этой откидной парте Ян делал карандашные наброски, – он всегда рисовал стоя. Рядом – зеркало в полстены. Напротив – еще два. Он переставлял их в поиске нужного освещения, особенно если рисовал с натуры. Вся левая стена – в полках, все полки – в книгах.

Надежда Геннадьевна перемысла, перетерла все, что можно было трогать. И вспомнив, что за полтора года никто ни разу не мыл под шкафом, решила на этот подвиг. Ни то ни се – четыре сантиметра над полом. Как туда просунуть тряпку? Ой, пусть этим займется Ваня.

Жуковский занялся. Шшширх... Бумага? Жуковский прислушался. Еще раз? Шшширх. Она – за стенкой шкафа. Сразу подумалось: хорошо спрятано – достать можно только снизу. Еще вправо, еще, еще. Вот оно. Большая пухлая папка, А3. Зачем я так? Это нечестно... Но он достал рисунки. Сверху лежали как раз те, что Жуковский когда-то приносил домой. А дальше... О том, что их видел, он признается Яну только через шестнадцать лет! И ни жена, ни сын, и вообще больше никто никогда не узнает о содержимом этой папки. Иван Геннадьевич и сам предпочел бы не знать.

Это не было эротикой, тем более – не было порнографией. Это была любовь. Красивые тела, руки, лица, эмоции. На рисунках отдыхали, переодевались, принимали душ не ровесники Яна, они старше, скорее всего – вообще незнакомые люди, где-то подсмотренные повороты, жесты, позы. Фантазии?... Тщательно прорисованы кисти рук, шеи, спины, – наверное, самое

важное для него, потому что иные детали были всего лишь набросаны парой-тройкой линий. Часто повторяющийся мотив: фигура стягивает через голову свитер. Вот она же – чуть боком, на нескольких эскизах – со спины. Какая проработка... Жуковский вытер лоб. Дальше смотреть нельзя, дальше – двое... Зачем ему было знать! Сынок, прости. Я никогда тебя не выдам...

Он домыл под шкафом, убрал папку обратно, вышел на кухню, тяжело опустился на стул. Закурил. Хотелось то ли скулить, то ли пустить слезу. Почему именно это? Неужели он не мог действительно оказаться – асексуальным или медленно созреть? Есть же такие люди! Видимо, не мог... Он уже был – другим. Столько сексуальности в четырнадцать лет, столько чувственности вложено в эти рисунки, какие фантазии! А если не фантазии? И у него есть кто-то старше него? Как к этому относиться? А как отнесутся другие? Клеймо на всю жизнь... Через сколько унижений придется ему пройти? Как защитить? И тут Жуковского догнала и вовсе уж безысходная мысль: Уголовный кодекс... До пяти лет лишения свободы...

– Наденька, налей-ка мне чаю.

– Все в порядке, Вань? Какой-то ты бледный.

– Голова что-то закружилась, – при этом, Жуковский не соврал, – давление, видать. Старею.

– Прекрати немедленно! Чаю тебе сделаю, полегчает... А ты чего там долго так?

– Да я думал... – не соврал он опять.

– О чем, Ванечка?

– О том, как проверить, ты искренен с сыном или просто удобно устроился... Рефлексия твоя утренняя кстати пришлась, Наденька. Вот и задумался.

Через несколько дней, когда Надежда Геннадьевна опять завела разговор о девушке Саши и об отсутствии девушки у Яна, Жуковский сорвался – первый и последний раз по этому поводу:

– А может, он вообще гомосексуалист? – главное, произнести как можно проще, чтобы не звучало как намек, чтобы похоже на шутку, пусть и неудачную.

Но, после некоторой паузы, Надежда Геннадьевна ответила очень неожиданно для Жуковского:

– Я об этом думала. Но мне кажется, он еще слишком юн.

Отцы виртуозно не замечают в своих сыновьях того, во что отказываются верить, а матери слишком часто ошибаются насчет их взросления. Даже если сыновья – приемные.

Послушная рука

Последний класс. Еще год – и ты свободный человек! А говорят, младшие будут учиться уже одиннадцать классов, нам повезло промучиться всего десять... Жаль, что я потерял год... Дурацкая система оформления опекунов. Так бы окончил школу в шестнадцать...

Его одноклассника звали Денис Веров. Когда год назад Ян перевелся в эту школу, не сразу заметил тихого, скромного, немного запуганного мальчика. Сутулая фигурка, темные волосы, большие карие глаза. Он сидел за пятой партой справа в третьем ряду, Ян – за первой слева в среднем. Он разглядел Дениса только через пару месяцев – на уроке. Верова за что-то грызла математичка, класс подхихикивал, и кто-то сзади Рубенса язвительно пропел: «Наш голубок не сосчитает даже перья в собственном хвосте!». Очень глупая шутка, но Рубенс не смог не обернуться на Дениса. Тот сидел, низко опустив голову и что-то чиркая ручкой в тетради. Идиотское положение. Надо как-то помочь... Это издевательство! Задачу решил двойной звонок. Большая перемена!

Вместо столовой Денис убежал в сторону раздевалки. А почему он, собственно, так отреагировал на эту дурацкую реплику? Рубенс на некотором расстоянии пошел за ним.

Ян еще не успел признаться себе в надежде – нарушить собственное одиночество. Там, в летнем лагере три года назад, было несерьезно, просто удача – тому мальчику было интересно и голодно, а разговоры – только о девчонках. Хотя, происходило все нежно и трогательно. Очень интимно. Он до сих пор вспоминает те шесть недель счастья, три года назад... Где сейчас найти такого же, как он?

Веров сидел в углу раздевалки на низкой скамеечке, забившись за чьи-то пальто и куртки.
– Эй, не отчаивайся!

Денис вздрогнул и вскинул голову. Он боролся с желанием уйти, бросить школу или вообще ее взорвать. Так придется учить химию и физику... Но хоть будет – зачем! Математичку выкинуть из окна, эту дуру со среднего ряда – под каток! Как я вас всех ненавижу! Это кто?.. Он не сразу узнал Яна, был недоволен тем, что его нашли и уткнулся носом в колени.

– У тебя проблемы с математикой? Хочешь, я тебя подтяну? – Рубенс сел рядом. Денис не отвечал. – На меня не нужно злиться, я тебе не сделал ничего плохого.

– Я не злюсь... Не понимаю, какой тебе от этого толк?

– Просто меня взбесило. Это нечестно и подло. Но вообще-то, я бы на твоём месте плюнул: математичка – дура и стерва. Вышел и забыл о ней.

– Но она заводит против меня весь класс!

– Да кого?

– Да всех.

– Кого всех? На что заводит?

– На издевательства... они все меня ненавидят.

– Знаешь, как это называется? Паранойя. Я ни разу про тебя ничего плохого не слышал – ни от кого из класса.

– ...Правда?

– Поклясться могу.

Всю перемену они проговорили. То есть – говорил Ян, Денис слушал, иногда – спрашивал. Уточнил, что такое паранойя. Спросил, откуда Ян знает психиатрические термины.

– Да так... пытался кое-что в себе прояснить.

– Прояснил?

– Нет...

– Почему?

– Видимо, это не диагноз?

– Что именно?

– Да неважно... – отмахнулся Ян. – Ну так-то психиатры считают, что диагноз, но клиника и истории болезней вообще не мои... И вот я уже пять лет маюсь: я – болен или это может быть не только болезнью?

– Не понял, о чем ты...

– И не надо... – Ян улыбнулся и похлопал Дениса по торчащей на уровне груди коленке, – Сейчас звонок будет, пойдем.

Начался урок русского, и здесь Денис считался одним из лучших, потому что обладал, по словам учительницы, врожденной грамотностью и чувством языка. Иногда помогал ей проверять работы своих же одноклассников и в тот день неожиданно стал королем. Русичка вызвала его к доске – разобрать ошибки «особо одаренных». Мудрая была женщина... Класс надолго затих, и больше ни у кого не возникло желания ужалить Дениса.

А после уроков оба отправились к Яну – выяснять отношения с тригонометрией. Жуковских дома не оказалось. Перекусили, быстро покурили на лестнице. Вошли в комнату к Яну.

– Да ты рисуешь!

Минут десять – на рассматривание картин, и мучительные сорок минут разглядывания рисунков, сидя рядом на матрасе... Бросало то в жар, то в дрожь, дышалось трудно. Встать? Сказать, что пора заниматься? Не могу... не хочу. Хочу! Его хочу... И в голову пришла совершенно сумасшедшая идея... нельзя так быстро... Ян, остановись! А если он не имеет к этому отношения? Ты слишком рискуешь! ...Диалог с самим собой остановить его не смог...

– А ты умеешь рисовать? – Рубенс потер ладони о джинсы.

– Нет.

– А хотел бы?

– Конечно! Это же такое... волшебство... – Денис аккуратно поднимал листочки папиросной бумаги, разделявшей рисунки, сшитые в альбом.

– Хочешь, прямо сейчас мы друг друга нарисует? Ну, только не подробно – так, набросок. А то суровая тетка-тригонометрия нам отомстит... Хочешь?

– Да!

До чего наивные глаза! Может, потому, что большие? Так, руки не дрожат? Дрожат... блин, заметит... ну и пусть...

– А как это будет? – уточнил Денис, поднимаясь с матраса вслед за Яном.

– Зеркало поможет, – Рубенс быстро передвинул большое зеркало влево от окна, развернул мольберт, прикрепил чистый ватман А3, сделал шаг назад. – Становись передо мной. – Денис послушно шагнул вперед. – Бери карандаш, а я возьму твою руку и буду ею рисовать.

– Здорово...

И Рубенс начал водить его рукой с карандашом по листу, бросая быстрые взгляды в зеркало. Встать пришлось очень близко друг к другу, но Дениса, это, кажется, не смутило. Рисовать трудно: рука чужая... Но я смогу и чужой рукой! Иначе я – не Рубенс... На бумаге появились метки, потом они превратились в штрихи, линии, овалы, затем в фигуры. Два юных мальчика стоят почти вплотную друг к другу, тот, что впереди – смотрит перед собой, тот, что сзади – смотрит с листа, они рисуют вместе. Лица – схематично, фигуры – очень точно.

– У тебя удивительно послушная рука... стала. Вначале была не такая.

– Ну... просто я весь уже послушный, – Денис втянул шею, испугавшись собственных слов.

– Да? Как это понимать? – Ян попробовал усмехнуться. Не получилось. А получилось так серьезно, что и он испугался своего вопроса. Денис не ответил. Ян еще продолжал машинально штриховать фон, делая длинные легкие штрихи... Ну, всё понятно, да? Я не ошибся?! Такой столбняк на меня еще не нападал... Надо что-то сделать. Решение пришло случайно:

– Ты не дорисовал свою левую руку... – задумчиво произнес Денис.

– Точно... отвлекся на фон. Непростительно.

– Как ты будешь ее рисовать?

Ян на мгновение задумался, посмотрел в зеркало. Рука Дениса – в заднем кармане джинсов, и Ян, все так же глядя в зеркало, сделал единственно верный по композиции ход... не спеша и аккуратно его рука вошла в передний карман джинсов Дениса. Тот лишь едва заметно втянул живот и рефлекторно подался назад. Они почти прижались друг к другу.

– У меня не было... – через какое-то время вдруг почти прошептал Веров. Ян в ответ уткнулся лбом ему в затылок. – Я даже как-то... боюсь.

– Чего?

– Это больно?

– В первый раз всегда всё больно.

Оба закрыли глаза.

– У тебя было?

– Да, – Ян прижимался щекой к волосам Верова, рукой, что была в кармане, все крепче притягивал к себе его бедра.

– Всё-всё было? – голос Дениса звучал выше.

– Всё-всё, – улыбнулся Ян очередному наивному вопросу.

Денис откинул голову ему на плечо, карандаш, наконец-то, упал на пол и Рубенс прижал к себе мальчика уже обеими руками.

Когда вернулись Жуковские, Ян и Денис сидели за столом над тригонометрическими уравнениями.

Дверь в комнату была открыта. Доска на мольберте была пуста...

В мельчайших деталях

Эльза протестовала изо всех сил. Встреча со студентами в Архитектурной академии – это, безусловно, важно. Для студентов! И, может быть, Рубенс подцепит там пару новых мальчиков, но на носу – очередная выставка в Европе, и дел невпроворот. Она упиралась, как могла: только не в апреле, только не в мае, а летом сессия, а потом все разъедутся, ей самой некогда, а без нее Ян ни с кем встречаться не будет. Она не разрешает! Не позволяет!

– Я смотрю на тебя, душа моя, и сдается мне, не во времени дело, – заметил, наконец, Холостов. – Детка! Почему ты против? Честно.

– Потому что я знаю, чем все закончится. Случится новый роман, поездки и встречи полетят к чертям. Ты плохо знаешь его? Сколько раз мы это проходили?

– Так вот в чем дело!

– И мне действительно некогда! – Эльза со злостью впихивала ноги в узкие туфли на высоченном каблуке: вот у нее – действительно необходимая встреча! А студенты – от лукавого, подобное тщеславие не поддается монетизации! И настоящий пиар оказывается под угрозой...

Холостов предложил подменить ее: если он будет рядом, вряд ли кто-нибудь рискнет строить Рубенсу глазки, ведь их с Яном всё равно считают любовниками, как бы ни доказывали они обратное.

– Я прослежу за нашим мальчиком, дорогая, работай спокойно.

Эльза сдалась. Дату назначили. Рубенс будет рисовать, покажет свои приемы, поделится техникой запоминания. Можно снимать и фотографировать. Все, что Ян нарисует, останется в академии.

В амфитеатре – аншлаг. На подиуме вдоль зеленой доски – десяток мольбертов с готовыми планшетами. Костя устроился за преподавательским столом, сдвинутым на самый край подиума, и разглядывал первые ряды с интересом. Хоть бы одна девочка! Ряды разглядывали Костю с ревностью.

Неужели все они готовы на секс с Рубенсом? Неужели их так много? А по виду не скажешь. Мне уже двадцать три, я до сих пор не привык... Хотя, наверняка, это просто близорукие студенты. Никогда не умел определять «таких» парней. Рубенс говорит, что умеет – с первого взгляда. И вроде всегда умел. Как говорит. Врет, наверняка.

Костя пристально наблюдал за Рубенсом: быстрые короткие взгляды в аудиторию, ни на ком не задерживается, рассказывает о том, как рисует, как учился, как выбирал любимый материал, но оглядывает каждого. Каждого. Сканер... О чем ты думаешь, Ян, рассматривая их? Однако Холостов отвлекся: Рубенс так красиво говорил, так увлеченно рисовал, переходя от мольберта к мольберту, заполняя ватман уверенными четкими набросками. Костя заслушался и жалел, что ему почти не видно, что там, на этих листах, появляется и оживает под рукой его друга.

Ян к своим двадцати трем годам заработал мировое признание, но оставался стеснительным и робким. До сих пор смущался своей ориентации, тяжело сходился с людьми, часто краснел, часто находил повод почувствовать себя виноватым, и еще чаще – обиженным. Но когда говорил об искусстве, о своих замыслах, или когда рисовал, в нем просыпался другой человек. Он расправлял плечи, смотрел прямо, ни в чем не сомневался, не боялся ошибиться. Даже речь его менялась, голос становился ниже, сам он казался как будто выше. В эти моменты Костя не мог им не любоваться, и стыдился этого даже перед самим собой.

Вот и сейчас интонации Рубенса потеряли привычную мягкость, жесты обрели несвойственную ему резкость, и Косте представилось даже, что такой Ян может здорово припечатать, если понадобиться...

Наступило время вопросов. Опять одни мальчишки... черт бы их побрал! И вдруг:

– А вы, правда, можете написать портрет по памяти? В мельчайших деталях?

– Могу. Кто задал вопрос? Подойдите ко мне.

Ряда не то с шестого, не то с пятого спускалась невысокая, худенькая почти до прозрачности, девочка лет двадцати. Длинные светлые волосы, тонкие и легкие, раздувались парусом, как будто на них дул вентилятор. Она почему-то держала себя за запястье, и ее собственная узкая ладонь казалась для этого чересчур большой. Но девочка не была костлявой, угловатой или тощей, нет. Даже фигурка хороша. Все было правильно в ней, но все неестественно тоненькое. Ростом она оказалась ниже Рубенса – в ней не было и ста семидесяти сантиметров. Даже Ян затаил дыхание: боже мой, какое существо! Настоящая нимфа!.. Костя готов был сделать стойку.

Нимфа подошла к Яну, почти не дыша. Огромные кукольно-голубые глаза не моргали. «Да, мне, похоже, здесь нечего делать, – подумал Холостов, подергивая ногой. – И ведь она знает, что шансов с ним у нее нет...»

– Как зовут тебя, прекрасный ребенок из чьих-то снов? – Рубенс чуть склонил голову набок.

По аудитории прокатился смешок.

– Юля...

– Спасибо, Юля. Мне хватит. Можешь подняться обратно к себе.

Рубенс отвернулся, подошел к чистому листу на следующем мольберте и принялся быстро рисовать. Желваки Холостова заходили. Юля, фактически брошенная посреди подиума, не зная, что делать, продолжала сжимать свое запястье и смотрела Яну в затылок, как будто ждала, что тот обернется. Конечно, не обернулся. Костя поставил локти на стол, сцепил пальцы в замок и нагло разглядывал Юлю, удивляясь про себя: «Ян, ты хам, оказывается! У меня научился?».

Как Рубенс запоминал? У него была своя техника. От контуров – к центру фигуры. Силуэт он отпечатывал в голове одним взглядом, потом пара мгновений на то, чтобы наполнить этот силуэт деталями – особенностями внешности. Ян никогда не забывал увиденных лиц. Что касается фигуры, мог угадать мускулатуру человека, скользнув взглядом по тому, что обычно доступно: шея, предплечья, и буквально сквозь одежду определял рельеф. Строение и пропорции скелета выстраивал по росту, плечам и бедрам. Он никогда не ошибался.

И вот, через десять минут тишины, на листе появился идеальный отпечаток «прекрасного ребенка из чьих-то снов». Свершилось настоящее таинство – Ян глянул на девочку лишь мельком, а она теперь будет вечно смотреть с этого листа – с испугом, робкой надеждой, с любовью, может быть?

Рубенс подумал, взял из коробки голубой карандаш и добавил цвет. Глаза стали влажными, девочка на листе готова была расплакаться... И вдруг Костю осенило: если за единственный взгляд Рубенс уловил все, что было в Юлиных глазах, сколько же всего он видит, когда мелькаешь перед ним днями и часами? Хотя что-нибудь можно скрыть? Надо же... Я ни разу не задумался о том, как он видит лица. Что он видит? К счастью для него, Ян видел так не всегда...

– Ну вот, – Рубенс обернулся и, кажется, удивился тому, что Юля по-прежнему возле него. – Главное, понимать диспропорции лица и фигуры, именно в них индивидуальность. Без них выйдет манекен. Тренируйте глаз. Я вот могу сказать, что у Юли правая бровь едва-едва выше левой, ресницы правого глаза длиннее, чем левого, – он взял ее за плечи и развернул к студентам. – А левое плечо чуть заметно выше правого. Она сама этого может не видеть. Я – вижу. Хотя сейчас она держит себя за руку, и правое плечо, наоборот, поднялось, но... – он тыкал в нее пальцами, как в медицинский образец, – портретиста не должна сбивать никакая поза.

– Тогда как вы видите, что левое выше? – кто-то с первых рядов спросил с придыханием.

– Если было бы не так, правое сейчас оказалось бы еще выше. Изучайте анатомию, если хотите быть портретистами, – Ян все продолжал держать Юлю за плечи. Косте казалось, что если отпустит, она упадет. – Станьте постоянным гостем анатомического театра, изучайте тело... Кстати, в сексе, тоже пригодится, – сказал он вдруг после некоторой паузы, и с этими словами плавно отпустил Юлю, чуть подтолкнув вперед, как будто подсказывал, что ей пора. По залу покатила волна смеха. – Спасибо тебе, прекрасное создание... Вы думаете, я шучу про секс?

– Рубенс, что ты делаешь? – прорычал сквозь зубы Костя, глядя, на Юлю. Она наткнулась на парту, споткнулась о ступеньку... Бедная девочка. Ян, конечно, не слышал Костиного рычания и продолжил:

– По структуре тела я могу сказать о человеке почти всё, – Рубенс расхаживал вдоль мольбертов широкими шагами, заложив руки в задние карманы джинсов. Костя посмеялся про себя: «Не можешь ты не привлечь внимания к своей заднице!» Ян вещал почти сказочным тоном лектора, рассуждающего о чем-то возвышенном: – Могу сказать о том, что человек любит в постели, что его возбуждает, что раздражает, что нравится и как нравится. Доминирует ли он или предпочитает подчиняться желаниям партнера. Про каждого из вас, – он остановился, словно вспомнил, что студентов нужно вовлекать в действие, и картинно обвел рукой аудиторию.

Ряды молчали. Никто не смеялся. Холостов пытался понять, на кого смотрит Рубенс – к кому обращен этот его пассаж? Ряды тоже пытались понять... Но Ян снова смотрел больше в пол и на карандаши, чем на кого-то конкретно. И зашагал дальше:

– Если вы поговорите со мной хотя бы минуту, или, что еще лучше, посмеетесь над чем-нибудь, я пойму, как соблазнить вас. Смех лучше всего раскрывает сексуальные предпочтения. При желании, смогу добиться любого из вас. Даже если вы не гомосексуалист.

«Началось», – ухнуло в голове Холостова.

– Да ладно! – выкрикнул кто-то из середины зала.

– Хотите рискнуть, молодой человек? – Рубенс оживился, стал искать глазами автора реплики. – Встаньте! Я хочу вас видеть. Идите сюда! – лектор кончился, Ян уже откровенно провоцировал, призывно вытянул обе руки к залу, в глазах его запрыгали чертики. – Что такое? Где же вы?

Студенты посмеивались, показывая пальцем на плотного парня в восьмом ряду.

– А! Это вы сомневаетесь? Не хотите идти. Понимаю. Я сам подойду к вам!

И Рубенс уверенно направился вверх по широким ступеням. Костя провел ладонями по лицу, будто умылся: что ты делаешь, черт бы тебя побрал! Студенты с восхищением разворачивались вслед за Яном, он шагал через ступеньки широко, легко и быстро.

– Я вижу, что вы не гей. Поговорите со мной. Расскажите мне. Как вас зовут? Сколько вам лет? – Ян стоял свободно и был расслаблен. Студент на третьем кресле восьмого ряда смотрел волком, готовый отразить любую атаку:

– Я не хочу вам отвечать.

– Почему?

– Не хочу я, чтобы вы меня соблазняли.

– Браво! Вы, все-таки, верите, что я могу!

Студенты шептались, вытягивали шеи.

– Я не верю. Я не хочу, чтобы вы пытались. Не думаю, что мне интересно.

– Какой изящный отказ. Только почему вы так боитесь? Здесь почти сто человек вместе с нами. Что я вам сделаю?

– Я не боюсь, – парень скрестил руки на груди, смотрел все так же исподлобья.

– Бойтесь. Только не меня... Так вот, вы левша, у вас мышцы левой стороны плотнее, чем правой, хотя и не отличаются по объему. Тех, кто вам неприятен вы невольно стараетесь держать слева от себя: так барьер между вами как будто прочнее. А тех, кто вам нравится, обычно держите справа. Когда начинаете любовные игры, предпочитаете лежать тоже справа от девушки, но по другой причине. Просто ваш левый локоть держит вас крепче, чем правый. Я прав?

Юноша смотрел на Рубенса с ненавистью.

Вот же ты мстительная сволочь, – весело подумал Холостов, – тебя никто не спрашивал, Ян! Отстань от парня!

– Я могу сейчас описать и то, что вы делаете дальше, но думаю, вы и так уже поняли: я действительно все вижу, – Ян склонил голову набок и подмигнул. – Соблазнять я вас, конечно, не буду. Вы не в моем вкусе.

Он коротко поклонился, развернулся и спустился под аплодисменты аудитории. Юлю даже не заметил, зато она не сводила с него глаз. Здесь все смотрели на него, но именно ее глаза не давали Холостову покоя: ему хорошо знаком фанатский восторг, так вот это был не он. Юля просверливала Рубенса насквозь, хотя и смотрела влюбленно.

Ян подошел к последнему чистому листу. Через несколько минут на бумаге съезжился в кресле плотный молодой человек. Он старался смотреть не враждебно, но получалось у него плохо, скрестил на груди руки, и ладони его, похоже, сжатые в кулаки, были спрятаны почти подмышки и плотно прижаты к ребрам.

– Ну и конечно, – Рубенс развернулся к аудитории так, будто собрался танцевать танго, – вы должны досконально знать самих себя. Первое, что вы должны изучить – самих себя.

Он так же танцевально повернулся обратно к мольберту и еще через несколько мгновений стоял уже там, на листе, перед зажатым студентом – именно так, как только что стоял в реальности.

– А с какой точки вы рисуете? – спросил кто-то из зала.

– С его, – Рубенс вытянул руку в сторону Кости. – Учитесь перемещаться в пространстве. Это не так сложно, – он загадочно улыбнулся планшету. Никто не увидел.

Холостов вздрогнул, но виду не подал. Он и так боялся шевельнуться: только что он узнал, что уже пять лет ходит, можно сказать, голым перед Рубенсом и, скорее всего, в его – Костиной – постели для Яна так же нет никаких секретов, как и в постели этого нарисованного парня. Не по себе... И, видимо, его он тоже может соблазнить, но не пытается... Спасибо, дружище. Правда спасибо, но все равно неудобно. Так это шоу вообще все для меня?!

В таких мыслях Костя встретился глазами с Юлей. Ты что-то считаешь в уме, детка. Мужиков я, конечно, не вижу, но в глазах женщины кое-что прочесть могу. Что ты считаешь? Что ты поняла?... Надо взять у нее телефон. Взять телефон.

Второе решение

Новая картина Рубенса вызвала в мире настоящий шок. «Второе Решение» – полотно высотой шесть и шириной три метра, Ян писал в другой стране, всего год, и завершил в свой двадцать девятый день рождения. Презентовать работу Эльза предложила в одном из самых престижных музеев столицы, и предложение было принято. В пресс-зале музея доставляли стулья, чтобы вместить всех зарегистрированных журналистов. Что же было на той картине?

Никто не знал!

Сам Рубенс дал по поводу «Второго Решения» только одно интервью – итальянскому журналу «Arti Figurative» и выдал, признаться, немного деталей. Стало известно только одно: на полотне изображен Христос.

«Самым сложным было лицо. Я задумывал изобразить на нем чувство, открывающее весь эмоциональный путь: смирение – терпимость – удивление – разочарование – раздражение и, наконец, – гнев. Да, именно гнев. Конечно, зрители не будут формулировать именно так, но, вглядываясь в лицо моего Христа, они поймут, что он пережил, прежде чем принять то Решение, о котором написана картина. Я не собирался вписываться в какие бы то ни было каноны. Более того, я готов к осуждению со стороны церкви, как православной, так и католической, готов к обвинениям в попрании религиозных ценностей. Но я всего лишь изобразил свое понимание взаимоотношений Иисуса и человечества. Да, в основе лежит, в принципе, избитый сюжет Второго Пришествия, но я не религиозен, и эта картина тоже, скорее, психологическая, философская, социальная, если хотите. Я не стремился к иконотворчеству, просто хотел передать свое ощущение нашего общего будущего. Я это сделал. До меня его так никто не изображал».

Музей чуть было не отказался презентовать картину, Эльзе пришлось задействовать едва ли не все свои связи, подписать дополнительное соглашение к договору, по которому администрация музея имела право прервать мероприятие, отказать в предоставлении зала для пресс-конференции и затребовать в течение часа вывезти картину из здания. Беспрецедентное дополнение, непозволительная уступка! Но переделывать и заново рассылать почти четыреста приглашений, да еще с извинениями по поводу переноса даты и места, – еще более непозволительно. Эльза ненавидела и администрацию, и Рубенса заодно. Ведь он не дал ей ни одного аргумента: работу не видела даже она, хотя уж кому-кому, а ей-то всегда все показывалось в первую очередь.

Итак, о «Решении» никто ничего не знал. Все ждали.

На презентацию съехались представители крупных галерей со всего мира, модельеры, писатели, владельцы издательских домов. Эльза устроила международный прием, собрала настоящую элиту.

Сама отправка полотна – спецрейсом, в сопровождении усиленной охраны – превращена была в событие, широко освещенное в самых разных средствах массовой информации.

– Артур, тебе отзвонились? Рейс прибыл? Всё в порядке там? – Эльза носилась по пентхаусу, сшибая людей и мебель, проверяя ход последних приготовлений и сохранность упаковок. Не дожидаясь ответа, уже бубнила себе под нос: Заявлено сорок два эскиза, я вижу тридцать восемь коробок... Ах! Вон еще две. Это что за царापина? Кто-то пытался вскрыть?

– Охрана отзвонилась. Рейс прибыл. Картину везут в музей. – Артур смотрел поверх нее.

– Там пусть мальчики проследят, чтобы раньше времени не открыли ее! Установку будут снимать и стендапиться на фоне.

– Все будет так, как запланировано... сэр, – и Артур в характерной английской манере едва заметно склонил голову набок. Эльза ничего не заметила.

– Кто это звонит? Опять журналисты? Пакуйте, пакуйте это. Давай трубку. Я слушаю... Зачем вам Рубенс? Эти вопросы ко мне. Пресс-конференцию господин Рубенс проведет в музее сразу после представления картины... Мальчики, это – сюда. Что? ...Нет. Нет. Нет. Тоже нет. Что-нибудь еще?.. Вот и прекрасно. До свидания... А с кем я?.. Кто-то новенький. Ладно, все, на выход. Мы не можем опоздать.

Охрана подхватила сумки, грузчики – ящички с эскизами, и стройными рядами, возглавляемые Эльзой, все покинули квартиру.

Работники музея с утра обсуждали предстоящее событие. Когда установили полотно, когда отработовали на свои камеры журналисты, и воцарилась ожидающая тишина, было трудно переоценить масштаб грядущего события. Посреди главного зала возвышалась шестиметровая громада под темно-красным бархатным покрывалом. По обеим сторонам застыли как неживые, в характерной позе со скрещенными впереди руками высокие, скульптурного телосложения, но интеллигентного вида серьезные ребята в одинаковых черных костюмах. На позолоченных столбиках вокруг этой почти скульптурной группы покоился толстый витой шнур в цвет покрывала, с длинными кистями, будто царскую карету ограждал... В общем, Эльза сделала всё, чтобы превратить презентацию в блестящий спектакль.

Поздний вечер.

Такого скопления людей музей не видел давно. Разноязыкий, многоголосый шепот заполнял главный зал и уплывал под его двадцатиметровые своды. Пора. Ян поднялся с кресла и протер взмокшие ладони. Они с Эльзой, сопровождаемые Артуром и еще двумя телохранителями, двинулись вперед по длинному музейному коридору второго этажа. Мимо стен, увешанных старинным оружием, мимо портретов полководцев и изображений батальных сцен.

– Символично, – шепнул Ян и постарался замедлить ход.

– Не бери в голову, – отозвалась Эльза, – все пройдет хорошо. – Она уверенно стучала шпильками по мрамору. Давайте все-таки идти не вразброд и быстро. Мы должны появиться четко в восемнадцать пятьдесят пять, чтобы спуститься, сказать Слово и открыть картину ровно в девятнадцать часов, когда начнут бить часы под потолком.

Все прибавили шаг.

– Сколько там камер? – Ян старался говорить спокойно.

– По моим спискам – двадцать четыре.

– Ужасно...

– Перестань бояться. Ты всегда спокойно к ним относился.

– Но двадцать четыре! Так много еще не было...

– Было. Ты просто их никогда не считал.

Им предстояло пройти еще метров шестьдесят и по широкой мраморной лестнице спуститься в главный зал у всех на виду.

– Ты их слышала? – вдруг спросил Ян.

– Кого? Камеры?

– Часы!

– Да. Я говорила тебе. Звучат – как церковный колокол. Особенно под этими сводами. Просто роскошно. Пробьют символично семь раз.

– Я жалею, что согласился на эти часы.

– Не поняла...

– Мой Иисус, он не совсем такой... каким его привыкли видеть...

– Ты не мог высказать свои пожелания на пару месяцев раньше?!

Они вышли на лестницу. В зале воцарилась тишина. Ян спускался чуть впереди, слева Эльза, справа – Артур, вторым рядом – остальная охрана... Красиво идем... черт бы побрал всю эту театральность! Зачем я согласился? Боже мой, ненормально много камер! Еще пара вспышек, и я ослепну. Все, я ослеп. Трижды. Дожить бы до ночи...

Наконец подошли к картине, и Ян понял, что слово его отменяется – он давно забыл, что такое «потерять дар речи», и вот... Им не понравится, они не поймут, не надо было устраивать этот спектакль, я же просто сейчас опозорюсь... он стоял лицом к собравшимся и молча смотрел в пол. Эльза растянула губы в мраморной улыбке, стараясь смотреть ни на кого и на всех разом. И вдруг Ян вскинул голову и заговорил. Но совсем не то, что планировалось две ночи назад.

– Вы знаете... я этот замысел вынашивал почти пятнадцать лет. А может, и дольше. Может, с того самого момента, когда мне прочли Библию для детей. Окончательно он созрел, когда мне было двадцать три. И вот, еще через четыре года мне удалось его воплотить. Я знаю, что пройдет время и я захочу его переписать. Полностью. Но сейчас, когда смотрел на него вчера вечером, я чувствовал, что сказал в этом образе всё, что хотел. Всё, что хотел сказать сейчас... Я всегда боюсь представлять свои новые картины публике... тем более, такой, какая собралась сегодня... видимо, этот страх быть непонятым – неизлечим. Но я решаюсь каждый раз, и в этот раз решил тоже, хотя был соблазн отдать все на откуп моему директору... Вы знаете Эльзу... – Ян сделал неловкий жест в ее сторону и даже попытался обернуться, по времени понял, что одеревенел, – я очень боюсь, что вы не поймете моего Христа... не знаю, что еще сказать и прошу снять покрывало! – и Рубенс на негнущихся ногах попятился за картину.

Четверо «хранителей» потянули бархат. Раздался первый из семи удар часов. ... Воистину колокол, – и Рубенс неожиданно для себя перекрестился. Еще секунда – и он услышал, как между ударами, с тяжелым шорохом, к ногам его «Решения» упало тридцать три квадратных метра королевской ткани. Ткани царей... Вот сейчас я и сойду с ума... почему все молчат? Зачем тушат свет? Почему не бьют часы? ... А в следующее мгновение его кто-то подхватил, чьи-то руки крепко держали его, чтобы он не упал – в обморок. При таком скоплении людей?! Я не имею права... это будет позор...

– Прошу вас, осознавайте увиденное... – Эльза пыталась говорить ровно и не смотреть на картину. – Журналисты смогут задать автору вопросы на пресс-конференции через сорок минут. Приглашенных на фуршет, машины будут ждать в течение часа у входа в музей. Прошу открыть соседний зал, где вы сможете увидеть эскизы, – она выключила микрофон и шагнула вслед за Рубенсом, его едва заметно поддерживал Артур. Все трое ушли в дальний зал, под мраморную лестницу, по которой спускались десять минут назад.

Когда уже почти входили в высокие двустворчатые двери, Ян понял, что в ушах у него – не шум. Это были овации.

Он упал в кресло, метался в нем, как в клетке, не зная, куда сбросить эту энергию. Сразу вспомнилась привычка Холостова бегать из угла в угол, разгоняя переживания. Холостов... Его здесь нет! Неужели не пришел... Сорок минут... сорок минут, чтобы успокоиться. У меня всего сорок минут!

Резкий запах нашатыря привел его в чувство. Рядом с ним – Эльза, Артур, а вот подошел и Костя.

– Ну и что? Вы видели? Видели?

Друзья стояли перед ним полукругом, и никто из троих не знал что ответить.

– Что там? На этой картине? – Эльза спросила угрожающе.

– Что не так? – прохрипел Рубенс.

– Что мы не увидели? – переиначила свой вопрос Эльза.

– Я прошу вас, не мучьте меня сейчас. Дайте очнуться, – голос возвращался к нему. – Мне надо знать, как зал? Кто-нибудь расскажет мне? Вы должны были смотреть за лицами!

– По-моему, никто ничего не понял... Хотя, я смотрел издали, – высказался, наконец, Костя. – Я опоздал...

Так хорошо, что ты, все же пришел! Так хорошо! Нужно сказать тебе это. Нужно обязательно! – тараторил Ян про себя.

– Эльза, ты почему молчишь? – он смотрел дико.

– А что я должна сказать? Что все стояли, разинув рты? Что люди не знали, как реагировать? Что ты там изобразил?! Нас могут выкинуть отсюда в любой момент!

– Господи, боже мой... – Ян схватился за голову.

– Я не добьюсь от него ничего! – всплеснула Эльза руками, – Я хочу увидеть картину. Мне нужно ее увидеть, – она сжимала и разжимала кулачки. Отсюда по коридорам можно пройти вокруг главного зала и зайти в него с другой стороны, позади публики. – Ты пойдешь? – обратилась она к Холостову. – Нет? Как хочешь. Я пойду. Мне надо знать, как подавать ситуацию на пресс-конференции. Там уйма всяких журналистов, я не имею права выглядеть глупо. Займись Рубенсом, Костя. Через тридцать три минуты он должен быть вменяем.

Костя ответил кривой полуулыбкой, и пожал плечами, мол, как всегда...

– Расскажешь мне! – крикнул Ян вслед Эльзе.

Публика все еще не покидала зал. Отовсюду слышался шепот: «Скандал... скандал...», все переговаривались быстро и возбужденно. „Церковь будет недовольна“, « богохульство», «его обвинят в ереси». Эльза выбрала место, где меньше всего знакомых затылков, и увидела картину. Рубенс... что ты сделал...

Но восхищение высоким искусством охватило ее ненадолго. Надо сегодня же найти здесь Нью-Йорк и Париж и устроить между ними торги – у кого выставить «Решение» в первую очередь. Да, здесь еще Германия. По спискам, они зашли и утром говорили, что собираются на фуршет. Наши музеи... – в конец очереди! Обойдутся! Будет им наказанием за все его мытарства... Нельзя быть такой злой, дорогая Эльза, – говорила она сама себе. И тут же парировала: не будь я такой, Рубенс не стал бы известен всему миру. Я всё делаю правильно.

Фигура Христа занимала почти все полотно. Позади – только фиолетово-серое небо в тучах, внизу, за Христом – люди – невнятно-кисельной массой, искаженные, будто отражение в подернутой мелкой рябью луже. Он – в черном одеянии монаха. Но это он. Рубенс изобразил лицо, как всегда, в традициях эпохи Возрождения – утонченным, почти женским. Ветром растрепал пшеничные волосы, но глаза сделал темными. Вглядевшись в эти глаза, в изгиб бровей, складку на лбу, Эльза различила черты человека, уже дважды спасавшего автору жизнь. О да... Настоящая благодарность. Артур еще не видел... И, почему-то вздохнув, она стала протискиваться к двери, чтобы пройти обратно к Яну, ее кто-то хватал за руки, узнав, но она тактично всем улыбалась и ссылалась на подготовку к пресс-конференции.

– А если бы она называлась как-нибудь вроде «Отчуждения монаха»?

– Наверное, мы все равно узнали бы Христа.

– В этом и есть суть гениального произведения – мы можем почувствовать изображение.

– Он предупреждал в «Arti Figurative», что его могут не понять.

– Очень энергетично.

– Смело. До безрассудства.

– Вы правы, – церковь будет возмущена.

– Не думаю, что католики вступят с ним в спор... хотя совсем недавно им удалось запретить фильм.

– Он отказался в названии от имени, так что, возможно, обойдется без религиозных баталий. Вы же слышали, что он собирался назвать полотно «Решение Христа»?

Нечто подобное звучало на разных языках. Журналисты начали потихоньку растекаться по залу, в поисках комментариев для первых публикаций.

«Удивительное произведение – по силе передаваемой энергии, по световому решению. Здесь только оттенков серого более двадцати! Поражает, насколько разнообразно и прочувствованно господин Рубенс сумел передать богатство холодной гаммы одного-единственного цвета. В теплых тонах написано только лицо и руки Христа, и именно они являются триединым центром картины – и в эмоциональном, и в цветовом плане. Несомненно, это прекрас-

ный образец раскрытия религиозной темы в нерелигиозном искусстве!» (Главный реставратор музея [...]).

«Этот Иисус подавляет вас. Он над вами, и он – против вас. По-видимому, Ян Рубенс пытался передать те изменения, которые человечество вызвало в Христе, те внутренние преобразования духа, на которые вынудило его. Если мы говорим о психологизме картины, то замысел автора ясен, а значит, полотно удалось. Вряд ли можно воспринимать картину как несущую религиозный смысл. Здесь речь ведется о некоей нестабильности, о масштабах этой нестабильности, о бренности всего сущего и о возможных изменениях непреходящего. Иисус Рубенса как будто предупреждает, что и терпение самого терпеливого имеет пределы. Но это внутренний образ каждого из нас. Не религиозный образ». (Директор галереи «L'arte vera», Рим).

«Первым делом вы смотрите на лицо и руки... И этот крест, что Иисус буквально швыряет в толпу, колыхающуюся где-то внизу, позади него, производит, конечно, несколько угнетающее впечатление. И потрепанная Библия с измятыми страницами в другой руке... Здесь звучало много мнений о том, что картина вызовет негативную реакцию церкви в совершенно разных странах, и с этим трудно не согласиться, такое может произойти. Да, получается, что Иисус Рубенса сам отвергает все религиозные ценности, все вековые традиции. Он делает страшную вещь – отрекается от человечества. Бросает крест в людей – не оборачиваясь, не глядя, то есть его совершенно не волнует больше ни их настоящее, ни их будущее... И – опять же – он мнет Библию. Его правая рука вот-вот швырнет измятую книгу в другую сторону. Не будем забывать, как много веков противники официальной церкви говорили о том, что вера не может держаться на Библии, поскольку Библию писали люди... Здесь есть этот мотив. Христос уходит, оставляет нас. Такой мотив может быть истолкован как богохульство, но эта идея сейчас подспудно ощущается во всем мире – идея чрезмерного испытания терпения Бога. Люди слишком рассчитывают на его всепрощение... (главный редактор журнала «Euvre D'art», Париж)».

«Это, безусловно, религиозное полотно. Да, оно идет вразрез со всеми церковными ценностями – и в плане философии, и в плане изображения. Но в данном случае художник сразу прибег, если так можно выразиться – к услугам „исторического“ адвоката. Видите, в левом углу маленькая фигурка монаха на коленях? В левом, не в правом. В правом – вся неразборчивая человеческая масса, а эта фигурка с выбритым затылком выписана очень четко. Знаете, кто это? Это Фома Аквинский! Я не знаю, сделал ли это Рубенс осознанно или интуитивно, но его картина может сыграть в нынешнем обществе ту же роль, что сыграл трактат Аквината восемьсот лет назад. Не удивлюсь. Если у Рубенса будут проблемы с церковью, я буду на его стороне... (директор издательства „The Art“, Лондон)».

Так должно быть всегда

За полгода Дениса вполне освоился с тригонометрией, его успехи радовали учителей. Жуковских же радовало, что Ян наконец-то с кем-то подружился. Надежда Геннадьевна, правда, несколько подозрительно смотрела на их отношения, ее смущало, что мальчики слишком часто вместе, нередко ночуют друг у друга... Но Жуковский запретил ей поднимать эту тему.

В школе они почти не общались, чтобы одноклассники не заметили их внезапного сближения. И никто ничего не замечал, все шло ровно, и Яну казалось, что так должно быть всегда. Он уже не переживал, ему больше не стыдно: рядом – такой же, как он. Он понимал, шел навстречу, думал так же, чувствовал то же, так же желал. Никто из них не ожидал беды. Но гром грянул...

Однажды утром Ян пришел домой бледный. Он смотрел в пол, на вопросы отвечал невпопад, быстро прошел в свою комнату и закрылся. Через какое-то время раздался телефонный звонок. Жуковский взял трубку:

– Алло?.. Да... Чей отец? А, Дениса, добрый день... не понял... кто – кому? Делал что?! – и он замолчал надолго, а потом вдруг почти закричал: – Да я хоть сейчас к тебе, гниде, приду. Лично! А если ты в школу позвонишь, я тебя тоже лично на куски разорву, понял ли ты меня?! Только попробуй! – таких слов от Ивана Геннадьевич не слышал никто и никогда.

Ян метнулся из своей комнаты к входной двери, Жуковский швырнул трубку и бросился за ним. Стой! Он схватил его почти в охапку. Ян отбивался, пытался вырваться и издавал при этом такие сдавленные звуки, как будто его душили. Надежда Геннадьевна выскочила в коридор. Что происходит?! Кто звонил?! Ваня!.. Жуковский скрутил Яну руки, прижал к себе, пытался целовать в затылок. Сын, сын, успокойся! Ян поджимал ноги, пытаясь выпасть из рук Жуковского, прятал лицо, наклонял голову, как можно ниже, хрипел и почти рычал, вырываясь. Надежда Геннадьевна в ужасе наблюдала за этой сценой. Жуковский молча удерживал Яна, ожидая, когда тот устанет, а потом – совершенно точно – взорвется истерикой. «Господи! Не дай бог, этот идиот позвонит в школу! Не дай бог...» – почти молился про себя Иван Геннадьевич, не чувствуя, как Ян пинает его и даже кусает. Но вот он неожиданно ослаб, и, запрокинув голову, ударил Жуковского в грудь и закричал. Заорал. Неестественный, нечеловеческий вопль, отчаянно безысходный, разворотил связки и дальше Ян мог только хрипеть. Надежда Геннадьевна вскрикнула и расплакалась, как испуганный ребенок. Жуковский полушепотом твердил одно слово: успокойся, успокойся... Отпустите меня!.. Никто тебя никуда не отпустит... Отпустите!.. Успокойся... Пустите!.. Сын, Сын! Я с тобой, слышишь! Я тебя никому не отдам. Никому. Никогда... Я с тобой.

Никто не заметил Сашу, разбуженного криками. Он стоял взъерошенный, в одних спортивных трусах, в дверях большой комнаты и, широко раскрыв глаза, наблюдал за происходящим. Мать зачем-то кусает носовой платок, отец скрутил Яна, а тот извивается и бьет его ногами. И этот вопль... и мать начинает плакать навзрыд, а Ян падает и бьется об пол головой, и отец подхватывает его и говорит что-то непонятное. Что происходит?

Жуковский опустился вслед за Яном на пол. Надя! Валерьянки, пустырнику! Чего-нибудь! Надежда Геннадьевна метнулась на кухню. Снова зазвонил телефон. Не бери трубку, Надя!

– Возьми! – из последних сил заорал Ян и зарыдал уже в голос. – Возьми... Это может быть Денис, – он почти прошептал, закрыл лицо руками и совсем лег на пол.

– Алло! Кто это? Алло?.. Положили трубку...

– Нет! Нет! Перезвони!.. Перезвони мне!.. – Ян сжимал кулаки и бил пол, Жуковский снова скрутил ему руки.

– Ваня, сделай же с ним что-нибудь!..

– Да чего вы все орете?! – не сдержался Саша.

– Тихо! Ты вообще иди отсюда! Надя! Валерьянка где?! Неси всё! Давай сюда.

А Ян задыхался от рыданий, прижимаемый Жуковским к полу. Он все ещё делал попытки хотя бы доползти до двери.

– Открой бутылек... И воды стакан. Быстро... – Жуковский зажал голову Яна локтем и влил ему добрую половину содержимого бутылочки. Запах пустыряника наполнил коридор, – только бы не захлебнулся... – потом почти стакан воды. Половину пролил Яну на свитер...

– Сашенька, иди к себе, пожалуйста!

Саша не выдержал этот умоляющий, отчаянный взгляд матери, ушел к себе, оделся и принялся ходить по комнате... В коридоре все стихло.

Потом отец позвал посидеть с Яном в его комнате.

– Никуда не отпускаяй. – Иван Геннадьевич вытер пот со лба, – Будь готов, он может ударить. Он в панике.

– Папа, что случилось?

– Тебе знать необязательно. Просто поддержи его сейчас. И скажи – обязательно скажи, что ты ничего не понимаешь. Тем более что так оно и есть, – и Жуковский ушел на кухню к жене, предварительно заперев сыновей в комнате Яна. Наде он должен теперь все объяснить.

Они ночевали у Дениса. Отец – в ночную, потом кого-то подменит на второй работе, придет не раньше двенадцати. Мать – в командировке. Такая удача выпадает редко. Утро. Суббота. Весеннее солнце. Счастье. В комнате. В ванной. Опять – в комнате. Ян стоял перед Денисом, когда дверь неожиданно распахнулась... Отец! Крики, угрозы, ругань, удары. Ян защищался, но он был слишком изящен для драки с рабочим.

Как они умудрились одеться, как выскочили, как разбежались в разные стороны, чтобы сложнее было поймать... непонятно. Ян ходил потом кругами по кварталу в поисках Дениса, в страхе наткнуться на его отца. Дениса он так и не нашел и не помнил, как добрался до дома, закрылся в комнате. А потом этот злополучный звонок... Он прижался ухом к двери. Сначала ничего не было слышно, но вдруг Жуковский заговорил очень громко и страшно. И Ян понял, кто позвонил, что сказал. С трудом он открыл замок – ключ все время выпадал! А дальше – уже опять плохо помнил...

Сейчас рядом сидел Саша, гладил его по плечу, по голове и говорил какие-то очень нежные слова:

– Братишка, пожалуйста, утомись. Не надо так. Ян, я не знаю, что случилось, но мне так страшно за тебя сейчас...

Ах, как он прав! А в голове одна фраза Жуковского: «А если ты в школу позвонишь...». Неужели отец Дениса позвонит в школу?! Неужели всё расскажет?! Тогда – конец... Ян до сих пор вдыхал как будто через раз, шея непроизвольно дергалась при каждом вдохе... Нет, он не может позвонить в школу. Неужели от так поступит?! Ведь это значит – предать сына! Разве может отец выставить своего сына на публичное унижение! Это же позор. Нет, нет... Боже мой, как стыдно! Что он рассказал Жуковскому? Неужели – то, что видел?! Где сейчас Денис? Прочему я его бросил? А почему он бросил меня? И Ян опять заплакал.

И вдруг – Саша заплакал тоже. Ян, пожалуйста! Ну что с тобой?! Чем тебе помочь?

Саша второй раз почувствовал, как бывает заразительна боль...

О чем она?

Звякнул таймер – сигнал к тому, что встреча окончена, гул разочарования прокатился по рядам, студенты повскакивали с мест, готовые кинуться к Рубенсу. Костя встал в центре подиума, загородив Яна, поднял руки:

– Ребята, извините! Автографов не будет. Мы предупреждали. Ян, нам пора.

Первые ряды смотрели на Холостова с плохо скрываемым недовольством, Юля разглядывала свои коленки. Костя подошел к Рубенсу, мельком оглядел рисунки. Потрясающая точность... А это что? Под «прекрасным ребенком из чьих-то снов» надпись: «Юле», и – роспись... Он никогда никому не подписывал портретов, он их и не рисовал ни для кого. Вот, значит, как?

Ян собирался уйти, пока студенты еще не ринулись вниз, но Костя удержал его и зашептал быстро:

– Отдай девочке портрет. Вручи при всех. Давай! – он толкнул Рубенса в бок. – Ты же подписал его зачем-то! Не для того, чтоб он висел здесь в коридорах.

Оба прекрасно понимали, что Рубенса в коридорах не повесят, даже в сейф не запрут. Его сдадут на хранение в какой-нибудь музей. Здесь сейчас баснословные суммы на этих мольбертах... не просто так милиция тут прогуливается. Не отдадут ей портрет.

Рубенс замаялся, но под Костиным напором решился остановить студентов и позвал Юлю, уже отворачиваясь к мольберту и не глядя в зал. Воцарилась тишина. Он вытаскивал кнопки из фанерного планшета, пока девочка неуверенно спускалась, скрутил ватман в рулон, оставаясь спиной ко всем, слушая, насколько близко подошла Юля. Развернулся, когда она остановилась, протянул рулон и почему-то заговорил очень тихо. Студенты повытягивали шеи, стараясь расслышать.

– Держи. Ты прекрасна, я вижу. Извини, что так... Что никак.

– Это Ничего... Спасибо, – так же тихо ответила Юля. – Но я знаю, почему, – она кивнула на последний рисунок, – с его точки, – и посмотрела на Холостова. – Мы с вами одинаково больны, да? – снова прошептала она Яну.

– О чем она? – не понял Костя.

Но Рубенс вскинул на нее короткий недовольный взгляд, плечо его дернулось.

– Нам пора, – быстро проговорил он.

– Правда, – сама себе подтвердила Юля.

– Еще раз всем спасибо! – Ян быстро направился к дверям, не обернувшись, шагал уверенно, на ходу помахал студентам рукой.

И только Холостов, которому пришлось его догонять, понял, что Рубенс зол. Очень зол.

В коридоре Костя сообразил, что Юлю с портретом, возможно, стоит подвезти до дома. Так безопаснее. Ян возразил, что никто и знать не знает, что за рулон у нее в руках, а может, ей и домой-то сейчас не нужно. Но чем больше он протестовал, тем упорнее Холостов настаивал: надо подвезти. «В конце концов, я должен понять, что тебя разозлило!» – раздражался он, усадил Рубенса в машину и рванул обратно в здание.

Костя не мог объяснить свое яростное желание вернуть Юлю во что бы то ни стало, даже подружиться с ней! Избегая на крыльцо академии, он понимал, что Рубенс смотрит ему вслед и пытается «прочитать» походку, вычислить мотивы. «Мы друзья, вроде, честны друг с другом... Но, как выяснилось, я не знаю о тебе и половины», – злился Костя.

Да и сам с собой он не был сейчас до конца честен... «Юля прочитала Яна, – вот что не давало покоя, – увидела что-то, чего не видит никто. Я не вижу! Что именно?» После всего этого представления, после демонстрации своего рентгеновского видения, Ян сам оказался под таким же пронизательным взглядом. Вероятно, впервые. Как интересно все может обернуться!

Холостов влетел в аудиторию, там еще не все разошлись, но администрация уже сворачивала рисунки. Юли среди студентов не оказалось, на Костю посмотрели с удивлением. Он спросил кого-то, куда она могла пойти, никто не знал. Здесь пять этажей, сотни аудиторий... Где теперь ее искать? И вдруг его осенило:

– Где женский туалет?

На него посмотрели и вовсе изумленно:

– По коридору до конца направо. Мужской – налево.

Да, я мог бы спросить и про мужской, точно... Они все равно всегда рядом. Молодец, Костя... Он шел быстро, но продолжал оглядывать фигуры и лица: вдруг не прав? Еще бы подумал немного и догадался спросить выходящую из туалета девушку – не там ли светленькая, невысокая, худенькая, с большими голубыми глазами? Нет, Костя вломился в женский туалет. Кто сушил руки, кто красился, кто чулки поправлял. Юля стояла над умывальником.

– Извините! – и он выскочил обратно.

Как виртуозно я умею вляпаться!

Зато теперь он знал, что она там, можно сесть на подоконник и ждать. Он просидел минут десять. Уже помахал ручкой всем, кого застал, уже все ему похихикали, построили глазки, попросили сигаретку, а Юля все не выходила. Рубенс будет в бешенстве. А Эльза нас убьет – мы опоздаем точно часа на полтора.

А вот и Юля. Она плакала? От счастья? Что-то не похоже на счастье... Господи, как душа в ней вообще держится? – снова оглядел он полупрозрачное тельце.

Уговаривать не пришлось, она пошла за Костей послушно. Пары? Какие пары? Конечно, ей нужно домой. Нет, не срочно, она не торопится.

– А Ян Александрович в машине?

– Да какой он тебе Ян Александрович! Ему двадцать три! Ты еще и на вы с ним. Он просто Ян, а я – просто Костя. И со мной тоже надо на ты.

Рубенс был разъярен. Выяснилось, что девочка живет далеко и в машине с ней придется провести довольно много времени. Конечно, Холостов сел вперед, и Ян оказался с Юлей рядом. Ужасно. Водитель, услышав адрес, торжественно возвестил, что из-за ремонта дорог они соберут все пробки, и предложил всем расслабиться.

Всю дорогу ехали почти молча. Попытки Холостова завести легкий разговор терпели поражение: Рубенс ушел в глухую оборону, Юля боялась открыть рот.

Костя лихорадочно искал способы сдружиться с ней. Охмурить? Без вариантов: он всегда безошибочно чувствовал свои шансы, так вот этой особе слишком нужен Ян. И неважно, что здесь уже у нее нет вариантов, она – явная «жена декабриста». Скорее, откажется от любых отношений вообще, чем пойдет к другому из-за невозможности быть с мужчиной своей мечты.

А с чего он взял, что Ян – мужчина ее мечты? Она впервые видела его сегодня...

Юля тихонько поглаживала рулон и украдкой поглядывая на колени Рубенса. Ей так много всего хотелось сказать, но все было похоже на обыкновенный фанатизм. Над ней посмеются, не более того... Ведь это смешно, что она влюблена в Рубенса лет с пятнадцати, что дома у нее – томá с вырезками его интервью и фотографий из разных газет и журналов, все диски, клипы, художественные альбомы, каталоги, книги, статьи, рецензии. Что и в архитектурный-то она пошла, чтобы хоть немного быть ближе к тому, что делает Рубенс. Еще смешнее, что, как ей казалось, она слишком хорошо его понимает, чувствует, почти слышит, что он думает. Такое невозможно, они даже не знакомы, и ее ощущения со стороны кажутся не более, чем затянувшейся девичьей экзальтацией восторженной поклонницы.

Ян Рубенс! Она едет в машине с Яном Рубенсом! И он нарисовал ее портрет! Не укладывалось в голове. Он же не просто звезда, он целое солнце. Солнце мира искусства уже семь лет – в его-то двадцать три! Художник, о котором все издания мира сказали: великий, а не просто талантливый, одаренный, или, не дай бог, просто знаменитый. Поставили в один ряд с Тициа-

ном и Рембрандтом. Он – критерий значимости всех произведений современного живописного и графического искусства, а ведь у самого за плечами лишь обычная художественная школа. Да и та – формально, по настоящему опекуна. Рубенса слушают все страны мира, и если он говорит о какой-то работе, что «не видит в ней жизни», ее автор стремительно падает в цене. Его вердикта боятся, ждут с трепетом, художники не спят ночами, если известно, что с утра их картины повезут на оценку в «Галерею Рубенса».

Да, эта галерея, открытая им чуть больше года назад, стала местом паломничества молодых талантов. Выставиться там – огромная честь и входной билет в мир большого искусства.

Краски Рубенсу делали по его собственной технологии, состав не раскрывался. Его книги перевели на шесть языков. Он сам знал четыре языка и учил пятый. Недавно ему предложили сниматься в кино, он отказался.

Дуэт Рубенса и Холостова в топах уже шесть лет. Они перепели со всеми мировыми звездами, а в домах этих звезд висят его, Рубенса, картины.

И вот она – девочка Юля, которая ничего собой не представляет, сидит с ним рядом в его роскошной машине! Да, он обошелся с ней грубо там, в аудитории, правду говорят, что он весьма бесцеремонен. К тому же, он... Да... На что она надеется?

Все это очень смешно звучит, и ничего из этого она не скажет. Ей хотелось смотреть на Яна, но она стеснялась поднять голову, и только бросала взгляды на его колени, каждый раз при этом нежно проводя рукой по скрученному в рулон портрету.

Когда, наконец, доехали, Костя по-джентльменски изъяснил готовность проводить Юлю до квартиры, но Рубенс выскочил из машины со словами: «я сам». О как! – опешил Холостов. Ян хлопнул дверью так, будто хотел впечатать ее в салон: «на тебе!». Юля неловко перебиралась вслед за Рубенсом, не заметив, что водитель вышел открыть для нее дверь, подняла на Костю свои большие голубые глаза и тихо шепнула «спасибо». Она думает, я сделал это ради нее? – дошло до него. Водитель пожал плечами, закрыл дверь и вернулся на свое место.

Рубенса не было минут двадцать.

Они шли молча до самого лифта, Ян нажал кнопку, Юля не выдержала: нельзя же упустить такой шанс!

– Почему вы злитесь на меня? Что я сделала не так?

– Ничего, – быстро ответил Рубенс. – Со мной не надо на вы. Мы почти одного возраста.

– Мы одного возраста.

– Тем более. На ты. Давай на ты, – он смотрел на окошко над лифтом, где слишком неспешно отсчитывались этажи: «7... 6... 5...»

– Хорошо... Почему ты злишься на меня? Что я сделала не так?

– Юля... Это мои проблемы в общении с женщиной. Ты все сделала так. Вернее, ты вообще ничего не сделала. Я не злюсь, – он зачем-то зашел с ней в лифт, но сообразил, что это было необязательно, когда кабина уже тронулась. Юля смотрел на него удивленно.

– То, что ты говорил сегодня про секс... Костя... Он знал все это? Что ты всех так видишь?

– Откуда этот вопрос сейчас? – Ян не скрывал своего раздражения.

– Я наблюдала за ним, он растерялся. Кажется, он ничего не слышал раньше из того, что ты говорил нам... Ты для него это говорил?

– Зачем ты наблюдала за ним? – про себя Ян злился на Холостова за «подставу», но был рад, что диалог этот ведет с ней сам.

– А зачем ты наблюдаешь за людьми? – Юлю оказалось не так просто выбить из колеи. – Опять злишься... Но ты не один такой. Кто видит. Я тоже вижу.

– Что ты видишь?

Двери лифта раскрылись, Юля не хотела выходить.

– Это твой этаж? – Ян сверлил ее почти ненавидящим взглядом.

– Любовь, – она посмотрела как будто в самую глубь Рубенса. – Невозможная и отчаянная. Без входа, без выхода. Ничего никогда между вами, да? – почему-то обняла рулон с портретом и прижалась к нему щекой. Двери лифта закрылись.

Ян раз десять успел нажать кнопку с двумя расходящимися стрелочками. Юля все стояла, обнимая скрученный лист ватмана.

– Какая любовь, Юля?! – возмущение его безгранично, беспредельно, он ненавидит этот ходячий скелет. Куда она лезет! Не дай бог, Костя раскрутит ее на откровения! – Тебе пора, – он в очередной раз обеими руками вцепился в двери лифта, чтобы не дать им закрыться снова.

– Может быть, единственная? – Юля неспешно вышла из кабины.

Кто ты мне? Я звал тебя в этот разговор?! Чертовы двери! – Рубенс выставил ногу и заблокировал лифт.

– Куда ты лезешь?! Как тебя касаются наши с ним отношения? Я тебя о чем-то спросил?

– Да. Ты спросил, что я вижу.

Юля всё крепче прижимала к себе рулон. Дверь лифта пыталась победить Рубенса уже в четвертый раз, а ему хотелось ударить эту тщедушную недокуклу, забрать и разорвать лист. Но она держит его как ребенка! Как мать держит маленького его на его же картине! Как он мог ударить? Вырвать лист из ее рук? Рубенс белел от злости, но так ничего и не сказал. И не сделал. «Кто ты такая?! – автоматной очередью трещало в его голове. – Кто ты такая?!»

И только когда двери дернулись в пятый раз, Ян опустил руки, убрал ногу. Закрутились лебедки, зашумели стальные тросы. Надписи на потолке... У нее фигура, как у мальчика... Подстричь бы коротко, – и совсем пацан. Из японских мультиков... Зачем я тебя спросил, Юля? Костя, зачем она тебе нужна?

Немного свежего воздуха

– Итак, дамы и господа, начинаем нашу пресс-конференцию. Автор полотна – перед вами и, я думаю, в дополнительном представлении не нуждается. Прошу, задавайте свои вопросы. Желательно – вопросы, касающиеся именно «Второго Решения», – Эльза, наконец, вздохнула более или менее спокойно.

Первый вопрос задал какой-то молодой человек с первого ряда. Его лицо показалось Рубенсу знакомым:

– Вы когда-то были в довольно близких отношениях с Никитой Панфиловым. А сейчас вы поддерживаете связь? И если да, то какой характер носят ваши отношения? Спасибо.

Спросивший сел. А у Рубенса все поплыло перед глазами. Эта история не была достоянием общественности, в прессе ее никогда не обсуждали. Откуда?! Кто это?! Где я его видел? Там? Я слишком долго молчу... отличное начало... Журналисты кинутся отыскивать Панфилова, копать, рыть и, в конце концов, что-нибудь нароют. Ян почувствовал, как холодеют руки. Эльза сделала вид, что все идет по плану. Но чем дольше молчал Ян, тем тише становилось в зале.

– Не думаю, что это самый удачный вопрос для начала сегодняшней встречи... Чем он вызван, я не понимаю, и за время паузы, я так и не смог представить себе ваш мотив, – выкрутился Рубенс. – Нет, с Никитой Панфиловым я давно не поддерживаю никаких отношений.

– Почему? – не унимался молодой человек.

– Потому что эти отношения не помогли бы мне творить.

– Но ведь когда-то помогали!

– Почти двенадцать лет назад! – Рубенс нервно откинулся на спинку стула. – Молодой человек, ей-богу, ваш вопрос просто неактуален. Ну давайте вспомним, с кем я в песочнице играл, и спросим, почему не играю с ним до сих пор! – Не раздражайся, ты себя сдашь! Ян! Тут же синхронный перевод! Не ори. – Так что, если остальные не против, мы закроем тему, – при этом Рубенс, облокотившись на стол, посмотрел на Эльзу, как будто именно она и была всеми «остальными».

Она кивнула, и, обратившись к залу, предложила задавать актуальные вопросы. А Ян чувствовал, как на лбу у него проступают капли пота. Кто задал вопрос? Спросивший встал и вышел из зала... Лет двадцать пять, не больше...

Где-то я слышала этот голос... Телефон! Это он звонил перед выходом! Он звонил... Надо будет сказать Яну...

Оставшиеся сорок минут общения с журналистами, прошли как в дыму. Конечно, Рубенс быстро собрался – «Решение» важнее истории столетней давности, но сердце билось чаще, чем хотелось бы.

Они шли по коридору к служебному входу, нужно ехать на фуршет, оттуда Эльзе уже звонили.

– Я на пределе, если честно... очень хочется спать. – Ян бубнил неразборчиво, как будто был нетрезв.

– Ты должен появиться, и выглядеть будешь королем, я тебя уверяю, – Эльза погладила его по спине.

– Я устал.

– Я тоже. Но необходимость твоего появления на фуршете не обсуждается... А устал ты от своих переживаний, ты просто боишься появиться перед этими людьми. Вот и всё. Имей силу воли, чтобы себе в этом признаться.

– Я признаюсь... Но ноги вообще не идут.

– Скажу ребятам, пусть машину подгонят поближе, – предложил Артур, пытаясь пройти вперед, но Рубенс его задержал:

– Зачем? Дай мне хоть немного свежего воздуха. Я дойду до машины, всё нормально.

– Непокойно мне... – Артур начал характерно прочесывать взглядом всё вокруг.

– Прекрати.

– Я бы послушала его, – вмешалась Эльза. – Все-таки, он твой телохранитель, – один из охранников открыл дверь, – И зачем изображать человека в облике Христа, если не хочешь, чтобы он тебя спасал, – дверь хлопнула за их спинами.

– Если сейчас на меня кто-нибудь и нападет... – машина тронулась с места, чтобы подъехать ближе, Ян сделал отрицательный жест рукой, – ...то только религиозный фанатик, чудом пробравшийся на презентацию, – один из телохранителей подскочил к машине в готовности открыть дверь, – перед этим прочитав в журнале мои опасения насчет конфликтов с церковью. – Артур заметил справа фигурку, которая быстро приближалась к ним, – хотя, я не исключая происки Ватикана! – и Рубенс засмеялся: настроение поднимается, становится почти весело.

И вдруг что-то хлопнуло, кто-то закричал. Эльза? Что случилось? Еще три раза что-то хлопнуло. Выстрелы? Я лежу? Где земля?... кто-то там упал... он только что шел... Эльза кричит. Мужики наши бегут. Где Артур? Где Артур?! Почему так горячо в груди?... Почему так тепло в горле... Почему тяжело дышать... Боже мой, неужели меня... застрелили?

Анубис

– Моя работа – защищать вашу жизнь. Возможно, придется защищать ее от вас самого. И я буду это делать. Даже если будете сопротивляться...

Артур стоял перед ним, не отводя глаз. Волкодав. В воображении Яна стремительно сменяли друг друга образы будущей картины.

Его привел Каретный.

– Мне надоело тебе передачи таскать. Бери охрану.

– Где?

– Дам тебе человека.

– Из твоих?

– Придумал! Куда тебе моих? Он комитетской школы. Его отец следователь, мать – криминалист. Давно работают за границей. Заметь – до сих пор оба живы, – Каретный крутил между пальцами ножик.

– А он?

– Я сказал – комитетской школы.

– Он мент?

– Я не сказал, что он мент.

Повисла пауза.

– Сколько ему лет?

– Под сорок.

– Взрослый... – Ян задумчиво теребил больничную наволочку, разглядывая штампы и дурацких мишек. Как будто он в детской больнице лежит... – Совсем взрослый.

– А тебе кого надо?

– Да мне никого не надо...

– Не прав. – Каретный все играл с ножичком, разглядывая мечущихся внизу папаш возле соседнего родильного отделения. – Жить хочешь?

– Да.

– Тогда надо...

– И что меня ждет? Как это – иметь телохранителя?

– Я расскажу тебе, что такое телохранитель... – Олег как будто вздохнул. – Он знает о тебе всё. Вплоть до расписания, по которому ты ходишь в туалет. Знает, как долго ты можешь заниматься сексом и что ты ешь на завтрак. Раздевает тебя в постели, когда ты валяешься пьяным и натягивает на тебя пижаму. Твои костюмы из химчистки проверяет детектором на порошковые яды... Ну да, ты не носишь костюмы... – махнул Олег рукой, – Он твоя тень, а ты его раб. Он работает на тебя, а ты подчиняешься ему. Ты ему платишь, и ты его терпишь. Он твой дневник, свидетель твоих побед, провалов, страхов и поражений, твой лазерный прицел. Он не сводит с тебя глаз, и ты не имеешь права ему мешать. Ты его шеф, но он твой хозяин. Он решает, когда и где ты выйдешь из машины, где ты будешь ужинать, в каком магазине будешь покупать коньяк, если хочешь сделать это сам, и как далеко от тебя должны быть журналисты. Он всегда рядом... У него нет выходных и личной жизни, он спит и ест по твоему расписанию, передвигается по твоему маршруту. Он живет твоей жизнью, и ты обязан ему это позволить... Вот это – телохранитель... Остальное – охрана. Он наберет себе команду сам, – Каретный повернулся к Рубенсу. – Что, сосед, смотришь на меня? Надо тебе, надо. Поверь.

– Я тебе верю. Я не знал, что ты поэт...

– Ха! Да я – всё на свете! Чем нужно, тем и буду, – и на мгновение Каретный уперся взглядом в пол... – Ладно. О деле. Завтра тебя выпишут, мои ребята отвезут тебя домой. Мужика зовут Артур. Он позвонит, договоритесь о встрече.

– Погоди...

– Что опять?

– Что он знает обо мне?

– Понятия не имею. Я скажу ему, что ты хочешь его нанять, к завтрашнему вечеру он будет знать всё, что ему нужно.

– Пугает меня это.

– Удивил, ага.

– Да, пугает, Олег. Я не живу такой жизнью, как ты. Для меня это все непривычно.

– Ты, сосед, живешь жизнью звезды, и у тебя, как оказалось, слишком много врагов.

Признай это. Артур – наилучший для тебя вариант.

– Он уже кого-нибудь охранял?

– Охранял.

– Он сейчас без работы?

– Спросишь у него, – Олег снова принялся крутить между пальцами нож.

– Откуда ты его знаешь?

– От олигархов.

– Я серьезно.

– Да и я не шучу.

– Почему ты не взял его к себе?

– Он не пошел... Мне пора. Завтра он позвонит.

– А сколько ему платить? – крикнул Ян вслед уже уходящему Каретному.

– У него и спросишь.

Волкодав. Высокий, крепкий, с наголо бритой головой, цепким взглядом и непроницаемым лицом.

– Я никогда раньше не нанимал охрану. – Ян старался держаться как на пресс-конференции. При этом, чувствовал, что лучше быть честным. – Я, если честно, не знаю, как и о чем с вами говорить, какие вопросы задавать...

– Какие угодно. Я отвечу на все. – Артур не старался понравиться. Скорее, пытался понять, нравится ли ему Рубенс.

– Что вы знаете обо мне?

– Много.

– Можете описать меня? – обрадовался Ян. – Только так, будто не мне, а кому-то, кто должен знать обо мне что-то важное.

На лице Волкодава мелькнуло нечто вроде улыбки, из чего Ян сделал вывод, что ему идея тоже понравилась. Артур чуть прищурился, глядя в потенциального шефа и, наконец, заговорил:

– Гениальный художник, выдающийся музыкант, вы не умеете замечать опасность. Насколько я понял, вы сами для себя представляете опасность. Не слишком разборчивы в сексуальных связях, у вас слишком много любовников, не всегда они эмоционально уравновешены. Так же как и вы сами. Под влиянием эмоций провоцируете нестабильную и опасную для вас ситуацию. Почти всё, что с вами до сих пор случалось, скорее всего, происходило как раз по этой причине...

– Погодите, где вы собирали про меня информацию?

– Профессиональный вопрос... Я имею право не называть источники, но их было несколько.

– Каретный? – с досадой произнес Ян.

– Отчасти. Вас это задевает? – Артур оставался холоден.

– Не понял еще...

– Для вас будет лучше принять ситуацию как есть.

- Почему?
- Потому что Каретный не разбрасывается информацией.
- Но вот вам же «разбросался»...
- Вы не знаете точно. Так же как не знаете моих методов сбора данных. Так же как не знаете и других источников.
- А могу узнать?
- Это не имеет отношения к вашей безопасности. Но имеет отношение к качеству моей работы.
- Но моя безопасность зависит от качества вашей работы...
- Но вам необязательно знать, как именно я обеспечиваю своей работе качество.
- Почему?
- Потому что процесс повышения качества не имеет отношения к вашей безопасности. Качество – да. Но не процесс его достижения.
- Потрясающая логика. – Рубенс развеселился.
- Это логика вашей защиты. Именно она работает... Продолжить о вас? – однако, Артур уже знал ответ.
- Нет. Спасибо... что в вашей работе самое главное?
- Ваше доверие.
- Но ведь я вас впервые вижу. Как я могу вам доверять?
- Для начала – на слово.
- Но я впервые вас вижу!
- Вы уже сказали об этом. Я услышал... Я могу повторить, что поверить мне вначале вы можете только на слово.
- А если вы не оправдаете потом моего доверия?
- Значит, вы меня уволите.
- Вы меня пугаете.
- Это хорошее начало.
- Почему?
- Потому что внушать страх – часть моей работы... Чем я пугаю вас?
- Я не могу понять ваших эмоций.
- У меня их нет.
- Но вы же не робот.
- Нет. Я человек, – и уголок его тонких сухих губ слегка приподнялся, – но я работаю роботом. Иначе моя работа будет неэффективна.
- Оригинально.
- Стандартно.
- А вы вообще хотите у меня работать? Или вам все равно?
- Мне не все равно. И никогда не было все равно – у кого работать. И у вас я работать хочу.
- И... почему?
- Потому что люблю свою работу. И потому что хочу работать у того, кто мою работу оценит.
- А те, у кого вы работали раньше, не ценили ее?
- Ценили. Но исключительно деньгами.
- А что еще вам нужно?
- Благодарность. Уважение. Я сохраняю людям жизнь. И делаю это хорошо.
- А откуда вы знаете, что я окажусь благодарным? Что оценю вашу работу?
- Я вижу.
- Что именно?

– Что вы – не робот, – и уголок его губ снова приподнялся, но уже чуть выше.

Волкодав. Образы стремительно ложились на воображаемый холст. И волкодав преобразался в сотни разных сущностей и знаков. В голове проносились вспышки цветов. Синий, темно-зеленый, фиолетовый, синий темный, ярко-оранжевый, фуксия, насыщенный алый, синий темный, сиреневый, бордовый... синий темный. Да, все-таки синий темный. И мышинный серый. Неясный, загадочный и глубокий серый. Мудрый серый. И синий темный. Полетели фигуры.... Круг, многогранник, пирамида, куб, треугольник, квадрат, пирамида, цилиндр... пирамида. И остроносый, остроухий... волкодав?

– Анубис! – Вскрикнул Ян.

– Простите? – дежурно уточнил Анубис.

– Да нет, ничего... Просто я, кажется, нашел образ... А мы с вами говорили... о чем?

– Это было давно.

– В смысле? Простите, я не следил за часами.

– Девятнадцать минут назад я произнес последнюю фразу.

– Девятнадцать минут назад?..

– Да.

– А что я делал эти девятнадцать минут?

– Думали.

Неестественно светлые, почти прозрачные серые глаза. Даже страшно. Но очень открытое лицо. Да... этот положит свою жизнь рядом с моей... значит, вот такой у меня будет... Дневник-Анубис...

– Хотите меня испытать? – спросил Анубис.

– Нет... Да и не умею этого делать... Что вам нужно, чтобы приступить к работе?

– Я уже приступил.

Через месяц Артур взял еще троих в ближнюю охрану. Двое посменно дежурили в трехкомнатной квартире, на пол-этажа ниже пентхауса. Там же обитали домработница и повар.

К двадцати четырем годам Рубенс стал недоступен для «простых смертных».

Карандашный портрет

Отец Дениса в школу позвонил...

Жуковских вызывали к директору. Состоялся педсовет, где присутствовали почти все учителя. Разбирали аморальное поведение мальчиков, каждый высказал свое мнение. Собравшиеся жарко спорили о возможных мерах влияния и перевоспитания. Жуковский прерывал их жестко и грубо, а сорокалетние тетki наперебой рвались посетить Рубенса на дому, и в глазах их при этом мелькала какая-то извращенная плотоядность, что-то до того мерзкое, что Жуковский невольно плюнул на пол...

Что вы себе позволяете?! Мы искренне хотим помочь мальчику! Но вы, кажется, этого не хотите... вы знаете, что в нашем уголовном кодексе есть статья, и за гомосексуализм предполагается наказание? Уголовное наказание! Вы хотите, чтобы мы сообщили куда следует?

Они не знали, что ровно через три месяца статью отменят. И только это Рубенса спасет.

Школа гудела. Девочки шушукались, мальчики рычали. Периодически кто-то называл Жуковским, выкрикивая разные мерзости. Один раз трубку случайно взял сам Ян. Ему хватило, чтобы к вечеру наглотаться давно припрятанного торина. Его спасли. Он не ел, не рисовал, целыми днями не вставал со своего матраса. Денис не появлялся – не звонил, не приходил. Где его искать, Ян не знал.

Так продолжалось три недели. На подходе – конец четверти. Последний школьный год. Что делать?

Иван Геннадьевич рассказал сыну. Саша долго ходил по квартире, сосредоточенно прибираясь, и даже протер везде пыль. Потом вскипятил чайник, налил две чашки кофе, вытащил у отца из кармана сигареты, и молча прошел мимо родителей в комнату Яна.

– Привет, малыш. Курить будешь?

Ян вытащил голову из-под одеяла, посмотрел недоверчиво.

– Курить, говорю, будешь? – повторил Саша.

– А родители тут? – Ян медленно и неуверенно приподнялся на постели.

– А ты думаешь, они тебе сейчас что-нибудь запретят?

Саша поставил на пол кофе и сел у изголовья. Долго смотрел на брата: как он взял сигарету, как прикурил, как начал вертеть ее в пальцах. Он сидел такой беспомощный, сильно похудевший, испуганный. Казалось, и двигаться боялся – как будто ему запрещено. Надо с чего-то начать...

– Послушай, Ян... ты хочешь, чтобы вся твоя жизнь прошла именно так?

– Я не хочу ничего, Саш...

– Неправда.

– Правда.

– Может, ты просто боишься хотеть?

–?..

– Считаешь себя не вправе хотеть?

– Что ты имеешь в виду? – Ян медленно поднял голову, и они встретились глазами.

Большие серо-зеленые, широко раскрытые – Рубенса, и вытянутые, как миндальный орех, темно-карие – Сашины. Саша вложил в свой взгляд все, что не решался произнести вслух. И «я все знаю», и «ты не перестал быть моим братом», и «мне все равно, какой ты», и «ты все равно мне родной», и «я хочу тебе помочь», и еще много чего. Ян опустил голову.

– ...Мне стыдно.

– За что?

– За то, что я такой.

– Да кому какое дело? Перед кем тебе стыдно?

– Перед всеми. Перед собой. Перед тобой. Я знаю, ты таких не любишь.

– Да я и не думал об этом! И для меня есть разница между «такими» и тобой. Ты – мой брат.

Что-то ударилось в окно. По стеклу растекалась овсяная каша. Еще один комок. И еще один. Кто-то свистнул во дворе, раздался дружный хохот. Прилетел еще один ком овсянки, и все стихло. Разговор потерял смысл. Яна бил озноб, он рыдал и кричал в подушку что-то о проклятии. Опять принесли валерьянку и снотворное, укутали его поплотнее и оставили спать под надзором Саши.

Но что делать? Малейший намек на встречу с психотерапевтом или хотя бы с психологом, вызывал у Яны истерику. Жуковские видели, что ситуация ухудшается и, если ее не разрешить, Рубенса, возможно, никто не спасет. Буйная реакция сменилась апатией и нежеланием принимать реальную жизнь. Жесткие звонки продолжались, Денис не появлялся. Комья в окно летели все чаще: кому-то было не лень варить ее и прибегать под окна почти каждый день. Ян бился головой об стену и, в конце концов, попросил Жуковских отдать его в сумасшедший дом...

В один прекрасный день в дверь позвонили. Открыла Надежда Геннадьевна. На пороге стоял невысокий крепкий парень в кожаной куртке и в кепке, с большой сумкой за плечом. Цепкий недобрый взгляд с прищуром. Чуть кривая линия рта.

– Меня зовут Олег Каретный. Сосед по парте вашему Яну, – он шмыгнул, еще больше скривил рот. – Где он? Три недели – ни слуху, ни духу. Конец четверти. Поговорить бы с ним.

– Здравствуйте, Олег. Вряд ли он...

– Какие «вряд ли», я не понял... – Каретный зашел нагло, отодвинул хозяйку, и сам закрыл за собой входную дверь. Снял кепку, небрежно закинул на вешалку, бросил свой мешок на пол, ботинки свои, можно сказать, раскидал. Даже выпрямившись, он был ниже Надежды Геннадьевны. Глядя на нее исподлобья, произнес твердо: – Если не я, то никто его в школу не вернет. Просто поверьте. И все. Где его комната?

Надежда Геннадьевна молча показала на дверь Рубенса.

– Только он может спать...

– Разбудим. Если вы исчезнете из дома минут на двадцать, будет очень кстати. Вам в магазин не надо?

– Молодой человек!..

– Меня зовут Олег. Олег Каретный. И этим парадом командую теперь я. Вы с управлением не справились.

– Что вы имеете...

– Вы его из задницы вытащили? Я общаюсь с вашим Сашей. Знаю кое-что. Не мешайте мне и сходите в магазин. И лучше пробудьте там хотя бы полчаса, – Каретный едва заметно подмигнул Надежде Геннадьевне и открыл дверь в комнату Рубенса.

Олег Каретный. Трижды был второгодником в разных классах. Хулиган. На учете в милиции. В школе за ним даже среди учителей закрепилось емкое прозвище – Бандюган. Сколотил в школе внушительную банду себе подобных, был их непререкаемым авторитетом и главарем – на правах старшинства, силы, бесспорной хитрости и остроты ума. Обладал редким качеством – тонко чувствовал и понимал человеческие мотивы поведения: непредсказуем сам, всегда знал, кто как поступит в следующую минуту. Молчалив, наблюдателен, с вечно презрительной миной на лице. Его пытались исключить из школы раз шесть, но все как-то улаживалось. Все лелеяли надежду, что Каретный сам «как-нибудь рассосется» после девятого класса, но он почему-то решил остаться! А в последний раз – около года назад – лично пообщался с заведующим РАЙОНО. Ходили слухи, что пригрозил доказательно изложить кому надо факты, что у того в любовницах пара несовершеннолетних школьников. Заведующий надавил на директора школы, и Каретный опять остался. Учителя теперь изо всех сил тянули его

до последнего класса – лишь бы окончил и исчез уже! А учился он так, как не учился никто – никак. Совсем никак. Но на уроки в последний год почему-то ходил, хоть и не регулярно. Весь этот год он сидел за первой партой среднего ряда, рядом с Яном Рубенсом – примерным отличником, хватавшим знания на лету... И даже, вроде, вел себя прилично. Учителя считали это заслугой Рубенса. И – в кой-то веки, они были правы!

Каретный наблюдал за Яном внимательно, стал собирать о нем информацию. А началось с того, что Рубенс нарисовал как-то в тетради во время урока портрет директрисы: злобная фурия, с волосами, превращающимися в веревки и червей, с вытекающими глазами, перегрызающая себе язык. Жуткий, чересчур натуралистичный рисунок. Потом какое-то время Олег задавал темы, а Ян рисовал в тетрадях сюжеты на них.

– Где ты научился так рисовать?

– Ты будешь смеяться – нигде. С детства умею.

Каретный ничего больше не спросил, но как-то Ян показал ему французский журнал, где был его портрет и репродукция картины, купленной крупным парижским музеем.

– Это мое.

– ...Круто. Они купили?

– Да.

– А чего за музей такой?

Рубенс долго рассказывал его историю, описывал даже экспонаты, потом перешел на Лувр, на эпоху Возрождения, в которой Ян видел незаслуженно забытое современными художниками идеальное чувство красоты и гармонии, – именно то, чего так не хватает нынешнему миру. Рассказывал о сюжетах эпохи, о секретах красок и техник, о правилах композиции, о золотом сечении и перспективе, об эмоциональных и духовных открытиях и об ином, не религиозном отношении к человеку.

Из того, что говорил Ян, Каретный почти ничего не понял и не запомнил, но точно уяснил одно: его сосед по парте – абсолютно беспомощен в реальной жизни... потому что живет в каких-то других – видимо, чертовски интересных, но абсолютно нереальных мирах! Олег смотрел на него как на убогого, несчастного, почти как на инвалида! Он не видит опасности, не понимает, откуда может ударить жизнь, не готов принимать удары. Нет, Ян не слабый... он просто абсолютно беспомощный! Его же свалит любой ветерок, любой идиот! Как он живет-то среди людей? Ему бы в музее жить...

Олег разглядывал Рубенса и тихо радовался, что он – не такой.

Как-то раз Каретный пришел в школу после очередного недельного прогула, мрачный, тихо злой. Ян косился на него весь урок, а на перемене не выдержал:

– Я могу тебе чем-то помочь?

– С чего вдруг?

– Ну, я вообще, сижу с тобой за одной партой. Мне не очень комфортно, когда ты в таком состоянии.

– Пересядь.

– Ты удивительно вежлив сегодня.

– Как всегда.

– Да нет, гораздо вежливее!

– Не нравится – пересядь, – отрезал Олег.

– А есть еще варианты?

– Вариантов всегда много.

– Олег, мы так поссоримся.

– Да мне насрать.

– Тебя это устраивает?

– Я сказал: мне насрать.

– Договорились.

Весь урок они вели себя так, будто каждый сидел отдельно. Они бы так и разошлись, и возможно – навсегда, но Рубенс забыл в полке под партой рисунок. Каретный обнаружил его на перемене, достал и увидел свой портрет. Какой он был на этом портрете? Такой, каким хотел стать. Рубенс добавил ему лет, силы и жизненного опыта. С обычного тетрадного листа смотрел настоящий полководец... Черт возьми... как он это сделал?

Мы никогда не знаем, какие струны в душе таких людей, как Олег Каретный, еще могут звучать. Мы видим их жесткость и жестокость, черствость и равнодушие, непримиримость, эгоцентризм... и, в общем-то, не ошибаемся. Но в некоторых остается какая-то струна, неожиданно начинает звучать, встретив свой камертон. Неожиданно для самого человека. Он приглядывается, прислушивается, решает – сопротивляться или нет. А потом – либо признает ее право на существование, либо рвет ее и покрывается броней уже целиком.

Что-то вроде заботы. Что-то вроде компенсации за собственную жестокость.

– Спасибо, – выдавил из себя Каретный в начале следующего урока.

– За что?

– За то, что ты оставил в парте.

– Это я тебе принес.

– Я понял.

Каретный несколько месяцев изучал свою струнку, вчувствовался в нее, пробовал на звук и на вкус. И она ему понравилась. Он сравнил ее с тем, что уже имелось в его жизни, и на фоне хладнокровного, непробиваемого сообщества, собранного им вокруг себя в последние три года, эта струнка показалась ему какой-то фантастически живой. Единственная и последняя. Ему всего восемнадцать, но если он перережет ее сейчас, то больше никогда не услышит, как она может звучать.

Олег был первый и единственный, кто вычислил Яна с Денисом. Струнка натянулась и готова была вот-вот лопнуть: еще педиков мне не хватало! Но вечерами он иногда поглядывал на свой портрет, и вдруг отпустило: какая, в сущности, разница?! Его дело...

Записка, которую Олег подсунул Рубенсу под локоть, заставила Яна вздрогнуть: «Шифруйте четче. Вас выкупают».

– Это о чем? – спросил Ян после уроков. Он стоял у входа в школу, комкая листочек и глядя куда-то мимо Каретного.

– Ты знаешь о чем. И я знаю. Больше никто пока. Но слухи пошли.

– Какие?

– Тихие пока. Где-то спалились вы.

Рубенс наконец-то посмотрел Олегу в глаза. Маленькие, глубоко и близко посаженные, темно-карие, как два шуруповерта, они буквально целились.

– И давно ты нас?..

– Давненько.

– Как?

– Я вижу. Смотрят все. А вижу – я, – и Каретный хитро ухмыльнулся. – Сосед, я не просто так по всей школе главный, – и, подмигнув, он уже готов был уйти.

– Так почему ты мне морду не набьешь? – вдруг спросил Ян с отчаянным вызовом.

– А что, надо? – Олег остановился, прищурился, подошел к Рубенсу почти вплотную. – Знаешь, за что ты мне нравишься?

– Нет...

– За то, что, даже если боишься, идешь дальше. Уважаю тех, кто умеет идти поперек страха.

– Я не боюсь.

– Врешь... я чую. Чую твой адреналин. Печень ждет? – и он слегка толкнул Рубенса кулаком в живот. Ян промолчал, с трудом выдерживая вызывающе-экзаменующий взгляд Каретного. – Не бойся. Я тебе говна не сделаю, – Олег резко развернулся и пошел, не оборачиваясь, во двор дома напротив.

В тот вечер Каретный снова разглядывал портрет своего будущего... Что-то я стал сентиментален. Сдать его всей школе, – он надломил уголок листа, – а зачем? И так понятно, что разорвут. Голубизна его, конечно, портит... А ведь он меня разглядел... не хуже, чем я – его... Достойный соперник? Да какой он соперник! Что-то другое. Не враг, не противник. Кто же ты мне такой, сосед?

Он открыл дверь в комнату Рубенса.

Шоковая терапия

– Так, сосед, привет, жопу с кровати поднял, морду ко мне повернул, на меня посмотрел... М-да.... Плохо дело. Да, да, это я, чего глаза выпучил? Говорю тебе – поднимайся, одевайся, не то запиною нахрен.

Олег ходил по комнате, бросая быстрые взгляды на все предметы по очереди. Будто готовился обыскать комнату и определял места, куда в первую очередь надо заглянуть. Он двигался непрерывно, покрутил в руках книжку, постучал кистью по мольберту, подергал настенный столик, потер рамку на стене, что-то стряхнул со стола. Взял джинсы, кинул на матрас. Открыл шкаф, покопался, достал футболку, развернул, оценил, кинул Яну. Рубенс сидел, поджав под себя ноги, пытаясь понять, что происходит.

Что принес с собой Каретный? Что он скажет? Зачем он вообще пришел? А Каретный не давал ему опомниться. Он не только непрерывно ходил по комнате, он еще и рта не закрывал. Ни секунды тишины, ни полсекунды покоя! Шоковая терапия. Он говорил, что ему надоело сидеть одному, что он чувствует себя идиотом, потому что ни хрена не понимает из того, что говорят эти бабы у доски. Что ему надоели малолетние придурки, что сидят сзади и шушукуются, что он прогулял из-за Яны уже две контрольных, потому что кто же вместо Рубенса их за него напишет. Что сколько вообще можно лежать, когда ты мне так нужен, я вообще не понимаю?! И какого хрена ты весь в соплях? Хрена ли ноешь как баба? Кто тебе дал право ныть? И тут он остановился. Впилился глазами в застывшего Рубенса и повторил – громко и медленно:

– Кто. тебе. дал. право? Я церемониться не буду, ты меня знаешь. Вот тебе тут все задания за три недели – почти по всем предметам. Может, и забыл чего, так не обессудь. Сейчас полдень пятницы, с твоими способностями ты сделаешь все к утру понедельника. И в понедельник. ты. придешь в школу. Ясно излагаю? ...Ты говорить, что ли, разучился? Убедил. Молчи и слушай меня. Внимательно.

Он взял стул, перенес его ближе к Рубенсу, все еще неподвижно сидящему на матрасе, но, правда, уже в футболке. В стекло прилетел очередной комок каши, Ян сжался.

– Тихо! Они еще не знают, что я здесь. Разберемся, – Каретный дождался конца атаки, оседлал стул и продолжил. – Слушай меня. Если ты не сделаешь так, как я скажу, это... – он указал пальцем на окно, – ...не только никогда не кончится, этого станет больше. Это преследование, сосед. Авторитетно тебе заявляю. Ты хочешь, это прекратить? Еще раз, родной... Я же не могу разговаривать с мебелью. Ты хочешь, чтобы это прекратилось?

– Хочу...

– Bravo! Два слога! Победа. Я думал, будет один! Тихо, не дергайся. Я предупредил, сюсюкать не буду. У меня задача – тебя вытащить отсюда и вернуть к нормальной жизни. Понял? И эту задачу я соплями не решу. Я вижу, у тебя их и так тут – по всем стенам размазано... Слушаешь меня?

– Слушаю.

– Молодец. Так вот, сосед, ты не просто в жопе. Ты – в собственной жопе. Но это и хорошо, это значит, что можешь выбраться. И я тебе помогу. В первую очередь – помогу кое-что понять... Ответственно заявляю. Из любой ситуации есть несколько выходов. Из твоей – тоже. Первый – ты продолжаешь пускать слюни, уходишь из школы и передвигаешься по городу в темноте. Почему? Потому что любой сопляк из этой школы будет считать своим долгом плюнуть в тебя или пнуть при первой же встрече. Причем, зуб даю, весть о том, что ты педик, быстро перекочет и в ту школу, куда ты переведешься. Понял? Скорее всего, после этого ты логично кончишь где-нибудь под забором – околеешь избитый. Или – в психушке. Там тепло, но дурно пахнет. Нравится?... Опять голос потерял?!

– Нет...

– Умничка. Слушай дальше. Вариант, который тебе предлагаю я. Ты сделаешь как можно больше из того, что я принес, и в понедельник придешь в школу. Самое главное – как ни в чем не бывало! Как будто гриппом болел. Ты понял? Этого не ждет никто. Никто. И это будет залогом твоей победы. Ты же пойми, как они мыслят: его нет, значит, все, что о нем говорят – правда. Значит, он боится. Ты понял? Если придешь, они не будут знать, что думать, растеряются, и у тебя будет время завоевать союзников, пока их стадный мозг не придумает новую версию и новую тактику. На это им потребуется день. Может быть, два. И это – твое время. Ты меня понял? Не слышу!

– Да.

– Что да?

– Понял... Стараюсь.

– Блин, не тормози! У тебя чертовски мало времени! Ты слишком много потерял! Тебе вообще не надо было исчезать... Ну да ладно. Проехали. Дальше – ты приходишь, когда уроки уже начались, чтобы никого в коридоре случайно не встретить. Заходишь в класс минут через пять-семь после звонка – к этому времени все уgomонятся и будут вникать в материал. В понедельник первым русский, еще один твой козырь: русичка тебя любит, поддержит, заедать не будет, из колеи не выбьет. Понял? А за время урока ты отдышишься, нарисуешь мне чего-нибудь... Ну и последнее, самое главное – это я, – и он замолчал ненадолго, прислушиваясь к струнке: звучит! – Я теперь твоя крыша, сосед, – и Олег гордо расправил плечи. – Эти дети, увидев, что мы с тобой вместе, не посмеют подойти. Понял? Я своих воспитал на этот счет: возле тебя будет постоянно кто-то из моих – если вдруг чего. Но первые дни я сам буду рядом... Ты понял, зачем всё это? Ты должен показать, что можешь выйти из жопы достойно. Уже никого, конечно, не переубедить, что ты не педик, – Каретный с досадой цокнул языком, – но можно вызвать уважение сильнейших и умнейших. Вспомни, какой ты был, когда никто ничо не знал. Спокойный, осанистый, на язык острый. В тебя ж полшколы девок влюблено! Девки, кстати, весьма лояльны и сейчас. Тебе же только надо сыграть. Сыграть себя прежнего. Поднапрячься-то – на два дня, потом все заровняется. Тебя еще бояться будут. Уважать и бояться. Если ты выйдешь... Ты понял меня?

– Кажется, да.

– Ты же умеешь ходить поперек страха... Ну?

– Да...

– Ты готов?

– Я попробую.

– Еще раз слушай меня, сосед... пробовать можно, когда попыток несколько. У тебя попытка – одна. Повторяю вопрос: ты готов? Ну!..

– Да!..

– Врешь. Не готов еще... Но за два с половиной дня подготовишься. А с этой кашей... – он кивнул на окно, – не думай больше. Разберусь показательно. – Олег встал, пару раз прошелся по комнате, закинув короткие плотные руки за спину, повернулся к Рубенсу и сказал тихо и страшно, – Если ты не придешь, ты для меня сдохнешь. Я не люблю ошибаться в людях и не прощаю им своих ошибок. Простить могу испуг и растерянность, тем более тебе... но не прощу страха и слабости... Ты меня понял?

– Да... Я приду.

– Точно?

– Точно.

– Так я пошел?

– Ну да... Спасибо.

Олег кивнул.

– До понедельника? – еще раз обернулся он от двери, с недоверием глядя в заплаканные светло-серые глаза.

– До понедельника. – Ян старался держать спину прямо.

– Я в воскресенье позвоню. Проверю. – Олег погрозил пальцем.

– Хорошо...

И Каретный ушел.

Ну ребятёнок же совсем... – с досадой сжимал губы Каретный, спускаясь по лестнице, – ну как же бросить-то его... Сожрут же!

Ян оделся. С трудом преодолевая слабость и дрожь в руках и ногах, достал из принесенной сумки тетради, разложил учебники и сел за стол.

В тот день ни одного задания сделать не получилось.

Но вечером он поел. На кухне. Со всей семьей.

Отмолчимся

Юля действительно жила далеко, из-за ремонта дорог действительно были пробки, и в галерею они опоздали не на полтора часа, а на два. И Эльза действительно была готова их убить – Яну срочно необходимо утвердить семь рецензий на трех языках. Он утвердил... В конце концов, Холостов уволок изможденного Рубенса на балкон, сунул ему в руки большую чашку кофе, закурил.

Вид с балкона галереи открывался на парк и на прудик, где плавали утки. Май был теплым, ветер слабым. Рубенс прикрыл глаза: наконец-то можно забыть и студентов, и подготовку к выставке, и рецензии, которые Эльза писала за него по-настоящему хорошо, и непонятно, зачем до сих пор все с ним утверждает. Слышно, как где-то невдалеке едут по бульварам машины. Внизу простучали каблуки. Можно весь день забыть. И Юлю можно забыть. И тут – как удар в ухо – Холостов:

– Расскажешь?

– Что? – Ян вздрогнул.

– За что так разозлился на эту девочку?

– Она полезла, куда ее не звали, – не даст забыть...

– А ты всегда лезешь только туда, куда зовут? Что за шоу ты устроил? Тебя тот парень в восьмом ряду звал? Для кого было выступление? Ты перед кем рисовался?

Холостов смотрел с балкона вниз, и сам не понимал, ждал ли он честного ответа или и так его знал. Пауза перестала быть «мхатовской», кто-то явно не знал свой текст.

– Отмолчишься? – с некоторой надеждой спросил Костя, не сводя глаз с уток.

– Отмолчусь, – Ян разглядывал облака.

Рубенс тихо радовался тому, что Костя не требует ответа, а Костя уже боялся этот ответ получить, он продолжал спрашивать себя: неужели Ян все во мне видит?.. Но ответ услышать ему, пожалуй, не хотелось. Обоим лучше говорить о Юле.

– А на нее ты разозлился, как только она спустилась. Я видел. Она и сказать-то ничего не успела. За что ты?

Ян скривился. Глупо признаться, что он чувствовал угрозу: такие глаза на него смотрели... Он как будто видел их уже, но ведь это невозможно, он бы запомнил, как запоминал любые лица. А глаза эти видели его насквозь. Кто же захочет, чтоб его видели насквозь! Эпизод в лифте и вовсе заставлял Рубенса вздрагивать и он даже потряхивал головой, словно пытаясь вытряхнуть из нее воспоминания. Но забывать он не умел, и хлипкая кукла-недодевочка стояла перед ним, будто настоящая, прижимая к себе дурацкий портрет, и выворачивая на изнанку страшную тайну, которую Ян защищал из последних сил. Каким-то чудом он знал, что она видит еще больше, чем говорит, хотя, казалось бы – уж куда больше? Глупо все это, таинственно и неубедительно. Паранойя, страхи, комплексы. Вряд ли Костя ждет сейчас подобных философских этюдов. Видя, как он набирает воздух, чтобы, видимо, повторить вопрос, Рубенс выпалил:

– Костя, ты любишь своих фанаток?

– Ну, смотря что с ними делать! – Холостов прищурился, самодовольно скривил губы, склонил голову набок, как будто прицениваясь к кому-то.

– Ну а мне с ней что делать?

– А кто тебе сказал, что она твоя фанатка?

– А чего она так на меня пялилась?

– А чего тебя это так разозлило? Ты разве что не пнул ее, когда отправил на место. За что? И о какой болезни она говорила?

Сопротивляться Холостову бесполезно... Ян даже обвинил его в коварных и подлых планах, в попытках склонить к гетеросексуальным отношениям, чем заставил Костю смеяться в голос.

Но каждый день он продолжал задавать Яну вопросы из одной обоймы: чем вы оба больны? Почему ты разозлился? Чем она так сильно тебе не понравилась? Почему так долго ее провожал? Что она тебе сказала? Так продолжалось неделю. Рубенс бесился, но взорвался он по другой причине. Выяснилось, что Костя за эти дни уже съездил к Юле, уже с ней почти подружился и пригласил ее в гости.

– Куда? – чуть не задохнулся Ян.

– К нам, – спокойно ответил Холостов.

Перед Рубенсом в полный рост встала настоящая угроза. И что делать? Сбежать, чтобы Юля не углядела в нем еще чего-нибудь, глубоко запрятанного, или остаться, чтобы хоть как-то контролировать их с Костей общение. Однако, судя по тому, что поведение Холостова пока не изменилось, Юля ничего еще ему не выдала... Остаться.

Ян боялся, продолжал злиться, но у него получалось вести себя вполне уверенно: уроки Эльзы не прошли даром, и теперь он с кем угодно мог представить себя на пресс-конференции: «Держись расслабленно и слегка небрежно, пусть думают, что тебя не волнуют их вопросы, – интереса будет больше». Эти слова Эльзы он повторил про себя много раз, прежде чем сообразил – зачем ему еще больше Юлиного интереса?! Но было поздно.

Костя общался с гостьей действительно легко, сама она по-прежнему говорила мало. Глаза ее – большущие и голубые, казались всегда готовыми заплакать... Ян называл ее тщедушной недодевочкой, Холостов предпочитал слово «куколка».

– Она красива, Рубенс! Она мне нравится, – любовался Юлей Костя.

Этого еще не хватало! – сходил с ума Ян, зная, с какой легкостью добивается этот донжуан расположения любой женщины. Но он видел, кто на самом деле нравится Юле, и решил пойти ва-банк. Не зная, как победить Костю, как отрезать их друг от друга, как не дать ему влезть через нее в свои тайны, Ян решил сам стать Юле другом. Это оказалось более чем легко, и вскоре он даже расслабился, поняв, что такую преданность, какую дарила ему эта полупрозрачная девочка, он еще не встречал, и вряд ли встретит. И спустя некоторое время, когда страх перестал застилать глаза, Ян увидел, что нечего ему бояться, не раскроет она никому его страшные тайны, никогда не выдаст, не сдаст, не предаст.

И Рубенс выдохнул. Юля стала появляться в пентхаусе чаще. У нее даже появилась некая обязанность – подбирать для Яна книги по теме замысла или просто по любой нужной ему теме. Каким-то, опять же необъяснимым образом, она чувствовала, какие авторы окажутся ему по душе, а каких стоит предлагать только при крайней бедности материалов по предмету.

Костя, в итоге, плюнул, признав свое поражение. Нет, Юля не интересовала его как женщина – он любил, когда «есть за что подержаться», но то, что до тайн Рубенса с ее помощью не добаться, он уяснил довольно быстро. Костя был нужен ей только при затруднениях с английским, – часто литературы, необходимой Яну, на русском не было. Итак, убедившись, что сражение проиграно, Костя отступил.

Зато завелась Эльза. Она с самого начала отнеслась к новой гостье холодно и высокомерно, ее раздражало раболепие в этих куклообразных глазах. Еще больше ее возмущало, что притащил это тщедушное создание именно Холостов. Эльза как женщина, знающая мужчин, не могла поверить, что у самого Кости были планы на эту «доску». Так зачем все это затевалось? И кем? Деловая женщина не могла вникнуть в суть Костиной провалившейся интриги. Да ей и в голову не могло прийти, что были у него какие-то тайные планы, потому что уж кто-кто, а Холостов был наихудшим политиком и интриганом из всех знакомых ей мужчин. Непонимание злило ее еще больше.

– Ты просто ревнуешь, Эльза, – отмахивался Холостов, – привыкла быть единственной женщиной в жизни Рубенса?

Костя так и не встал на ее сторону, продолжая защищать «куколку» от любых нападков «королевы». Эльза бы стерпела, смирилась, в конце концов, ее статусу эта недокормленная барби точно не угрожает, но вот Ян стал общаться с Юлей больше и чаще, и – кажется, ближе, и Костя продолжает защищать этот ходячий скелет! Я все равно незаменима, – твердила себе Эльза. Предел ее терпению наступил, когда Юля осталась ночевать в пентхаусе.

– Эльза, я не понимаю, что с тобой? У них там свет горит! Они просто общаются! Что между ними вообще может быть? Ты что, правда – ревнуешь?

– Костя, чего ты орешь?

– Да ты сама сейчас орала громче меня! Давай, мамочка, сходи, выгони девочку. А то вдруг сыночек примет другую религию, да не с тобой, да?

– Холостов... я ведь найду способ тебе отомстить.

– Да брось ты, Эльза! – он опять махнул рукой, не придав большого значения ни своим, ни ее словам.

Но Эльза не бросит... Она простит: они давно дружат, живут в одном доме, им одинаково дорог Рубенс, они уже не раз ругались, и это нормально, когда все так близко на одной территории и во всех делах тоже вместе... Она простит. Но не бросит и не забудет.

– Ну перестань, Эльз... Ничего между ними не будет. Ну? – он приобнял ее за талию. – Красотка! Кто ж с тобой станет тягаться? Они разговаривают.

– Как-то много в последнее время, – Эльза вывернулась из Костиных объятий.

– Так и что?

– А ты знаешь о чем, Костя? Ты знаешь – о чем – они так много разговаривают?

Эх, хотел бы он знать! Но подслушивать – не его стиль.

Через две палаты

Все случилось за пару секунд. Но когда Эльза вспоминала эти секунды, события проплывали в памяти как при замедленной перемотке. Они идут, о чем-то разговаривают, охранники уже готовы открыть дверцы машины, но почему-то Артур медленно берет Яна за локоть, а голова его повернута куда-то вправо. Эльза шла позади них и обратила на это внимание. Рубенс еще приостановился, хотел, чтобы они все выровнялись, и вдруг Артур резко толкает его. Так резко, что Ян почти отлетает, сшибая Эльзу. Артур вскидывает правую руку и, разворачиваясь, падает на Яна. Раздаются хлопки. Кто-то кричит...

Что кричала она сама, Эльза поняла не сразу. Потом кричали уже все. Она приподнялась и увидела страшную картину, которую долго еще будет вытравливать из памяти...

На спине, раскинув руки, лежит Рубенс и неестественно тупо смотрит в небо. На него так же неестественно тяжело падает Артур, и когда его голова ударяется Рубенсу в грудь, из горла Яна с резким хрипом вырывается фонтанчик густой, почти черной крови, заливая пол-лица, он закрывает глаза и голова его падает набок. Артур лежит на нем, не шевелясь.

Все неестественно быстро! Эльзе казалось, что кричит она очень долго. А охрана бежит очень медленно. Еще хлопок, и кто-то упал – между ними и машиной. Краем глаза Эльза видит, как охрана разворачивается и бежит к упавшему, а сама все смотрит и смотрит на лицо Рубенса. Неживое, залитое кровью лицо...

В Центр хирургии и травматологии в тот вечер одновременно поступило три пациента. Ян Рубенс с проникающим ранением в область правого легкого, Артур со сквозным ранением левого легкого. И нападавший, кому Артур раздробил и правую ключицу, и плечо, выстрелив подряд три раза, а другой охранник прострелил правую ногу чуть выше колена, чтобы не убежал.

– С таким калибром можно было нас обоих прострелить насквозь. Как живы остались – не пойму, – говорил Артур Эльзе, когда пришел в себя.

– А ты знаешь, что это тот самый, кто на пресс-конференции задал вопрос про Панфилова? – Эльза нервно бегала по палате. – И он же звонил мне перед самым выездом за несколько дней до презентации. Я вспомнила его голос. Помнишь, когда я подумала...

– Помню, – оборвал ее Артур. – Есть предположения, кто он?

– Ни единого!

– Как Рубенс?

– Очнулся...

– Насколько тяжел?

– Врачи говорят – недели две, и будет как новенький. Все обошлось. У тебя хуже...

– Я должен завтра встать на ноги...

– Даже не думай!

– Я не буду думать, я встану... Где этот?

– Через две палаты. В коридоре два мента.

– Почему два?

– Потому что так распорядилось их начальство. Видишь ли, тут, пока вы оба спали, самый-самый сделал заявление, что Рубенс – наше национальное достояние, и я, говорит, думаю, что будет сделано все для того, чтобы... ну и так далее. Через час в больницу понаехали и люди в штатском, и куча чиновников. Кого тут только не было!

– Это сказки на ночь?

– Это события тех трех дней, что ты пролежал без сознания.

– Трех дней?

– Да. А ты думал, все вчера случилось? – Эльза вздохнула. – Еще Каретный приходил. Все радовался, что каждые два года имеет счастье навещать Рубенса в какой-нибудь больничной палате. И смех, и грех. – она всплеснула руками, – сказал, что у нашего друга самая опасная профессия в мире. И что он больше не знает людей, которым «везет» с такой завидной регулярностью... Он тоже выставил своих парней. В общем, вся больница в двойном кольце оцепления. В первом милиция, во втором – бандиты.

– Красивая картинка... Вернемся к стрелявшему. Он пришел в себя?

– Может, мне его проведать? – Эльза возмущенно вздернула голову.

– Ах, что вы, что вы, мэм! Это ниже вашего достоинства, – процедил Артур. А потом сказал очень жестко: – Узнай.

Закрыв глаза и отвернувшись, насколько позволяли трубки. Завтра надо встать.

Артур встал. И пришел в палату к Яну.

– Ты должен вспомнить, где его видел. Ты говорил, что видел его.

– Я вспомнил...

– И где?

– У Панфилова в кабинете... одиннадцать лет назад...

Очень хороший год

Эту историю кроме тех, кто в ней участвовал, знал только Каретный.

И Костя. Отмечали пятилетие знакомства и дружбы. Пентхаус Рубенс к тому времени уже выкупил, и вот, на той же огромной кухне, снова вдвоем они пили пиво, болтая о чем-то. Работал телевизор.

– О! Про геев говорят, – Костя повернулся к экрану.

– Уже не ново.

– Давай послушаем? Уж тебе-то должно быть интересно...

Человек с длинными черными волосами рассказывал о том, как он создал семь лет назад первый в стране клуб психологической помощи мальчикам, осознавшим свою нетрадиционную ориентацию.

– Тогда мы существовали нелегально, снимали подвальное помещение, прикрывались вывеской «творческий клуб», изобретали разные формулировки для объявлений в газетах: «Если ты не такой как остальные, если ищешь «своих»... «если тебя никто не понимает, и ты думаешь, что ты такой один», и давали телефон. Мы разработали Эзопов язык для телефонных разговоров, чтобы «расслышать» тех, кто звонил именно по поводу своей ориентации. И чтобы они нас расслышали. За полгода ко мне пришло около сотни школьников! Я помню, как почти каждый из них в первом же открытом разговоре со мной просто плакал. Им было очень тяжело. Всем. У нас работали психологи... Я могу сказать, что здесь, в Канаде, где я живу уже три года...

«Никита Панфилов» – прочитал Костя в титрах.

Рубенс запустил в экран бутылку. Скотина! Полетела вторая. Сволочь! Холостов вскочил и выключил телевизор. Да ты что делаешь?! Что случилось?! Ян сидел с ногами в кресле, обхватив голову руками, раскачивался из стороны в сторону. Ян! Что с тобой? Костя сел перед ним на корточки, сжал его запястья. Что с тобой? Ты его знаешь?

Рубенс его знал.

Ян был одним из тех, кто пришел семь лет назад, после окончания школы, к Панфилову – по одному из тех самых объявлений. И как-то само собой получилось, что уже через пару месяцев переехал к Никите, который с готовностью превратил свою маленькую двухкомнатную квартиру в мастерскую для нового молодого любовника. Рубенс был счастлив. Он уже не терзался своей ориентацией, не чувствовал себя одиноким, непонятым, виноватым. Рисовал много и спокойно.

Никита всегда все понимал, был терпелив к бессонным ночам Рубенса, к раскиданным рисункам, к нервозности Яна, особенно в периоды, когда задуманный образ никак не ложился на бумагу. Умел решить любую проблему. Никогда ни в чем Яна не упрекал, был немногословен и разговаривал в основном тихо. Почти никогда не кричал...

Но иногда Рубенсу казалось, что он совсем не знает этого человека. Особенно, когда в моменты ссор натывался на абсолютно холодные глаза Панфилова и его слишком спокойный и подчеркнуто тихий голос. Как будто не его глаза, не его голос... Словно откуда-то изнутри рвался другой человек. С трудом удерживаемый... жестокий, страшный. Тогда глаза Никиты говорили: «не доводи меня».

Иногда, после таких ссор Ян подумывал уйти. Но страх остаться опять в одиночестве, среди толпы, считающей тебя изгоем и уродом, удерживал его рядом с Никитой. И когда их бури утихали, снова становилось спокойно, и можно ночью заползти под одеяло и уткнуться в теплую шею. И крепкая рука обнимала спросонья и прижимала к груди. А потом можно было и не спать до утра. И Ян опять оставался.

Роман продолжался чуть больше года.

Ян закончил расписывать стены в последнем отсеке клубного коридора, остался доволен и пошел в кабинет к Никите – поделиться радостью и позвать посмотреть, что получилось. Светы, секретаря, не оказалось на месте, и Ян открыл дверь. Уж ему-то можно!

Боже мой... как банально...

Панфилов спешно оттолкнул от себя мальчика.

– Это наш новичок, Ян, – сказал он, как ни в чем не бывало.

– Ты теперь так в клуб принимаешь? Обряд посвящения? – Ян посмотрел на мальчика мельком и только один раз. – Ему же от силы пятнадцать.

– Шестнадцать.

– Принципиальная разница.

– Поговорим дома, – все так же тихо звучал Панфилов.

– Мы не будем говорить дома.

– Ян, мы поговорим дома. Человеку наши с тобой выяснения не интересны.

– Мне плевать, что ему интересно! Мы не будем говорить дома!

– Тихо... – и вот он опять – этот намеренно едва слышный голос, этот железный тон, – Ян, закрой дверь.

– Он не первый такой, да? Не первый? – заводился Рубенс.

– Не ори. Закрой дверь, я сказал.

Ян вылетел из кабинета. Едва не сбил с ног вернувшуюся Свету, и бегом кинулся домой. Ему показалось, что Света посмотрела на него с сочувствием и сожалением. Она ведь, наверняка, всё знает и знала! Почему она такая ласковая со мной всегда? Из жалости? Из жалости! Рубенс бежал по улицам, едва успевая смахивать слезы. Соберу вещи! Уйду! Перед глазами возник образ Деда Мороза в толстых вязаных перчатках с рыжей заснеженной бородой. Он не общался с Жуковским почти год, даже не звонил, и вот ему опять нужна сказка для несчастного подростка.

Ян влетел в квартиру, почти ничего не разбирая от слез. И тут же кто-то схватил его за свитер и сильно ударил спиной об стену...

Никита уже ждал его дома.

– Ты никуда не уйдешь, – и снова стукнул о стену спиной. – Никуда ты от меня не уйдешь. Ты слышишь?

– Уйду, – с трудом выдохнул Ян. – Уйду.

– Никуда! – к удару о стену добавился кулак в грудь. Сильный удар, и вдох застрял посреди диафрагмы.

Никита был сильнее, выше, крупнее, намного старше. Он прошел армию, занимался спортом, сам тренировал мальчиков в клубе. Основами рукопашного боя владели у него все, и Рубенс тоже, но это были только основы. Применить их в реальном бою, да еще против тренера, – слишком сложно... Особенно сложно, когда слезы заволакивают глаза и чувствуешь себя девчонкой – маленькой, обманутой и беззащитной, сам себе противен, и даже не хочется сопротивляться: и пусть убьет – так мне и надо.

– Ты меня понял? – настаивал Панфилов, снова схватив за грудки и опять спечатав в стену.

– Уйду, – почти беззвучно выдавил Ян, еще не понимая, что это не последний удар, и думая только о том, куда будет складывать вещи. И еще о том, как он бездарно наивен в человеческих отношениях. Вспомнился Каретный. Он бы подсказал... Он людей чует...

Ян выдохнул, а вдохнуть не получилось. Панфилов бил в живот. Еще раз... что ты делаешь? Нет, не может быть. Ты со мной так не можешь. И снова, но уже слева. А потом Ян отлетел в другой конец коридора. Ты. От меня. Никуда. Не уйдешь. Уйду. Ян попробовал встать. Нет, мой сладкий. Голос Панфилова звучал неправдоподобно холодно и жестоко.

Сильные руки подняли его за шиворот и швырнули в комнату. Угол стола впился куда-то между ребер, что-то отчетливо хрустнуло внутри и загло. А тело снова поднималось над полом и опять отлетело дальше в комнату. И опять. И еще раз... Что ты делаешь? За что?! Рубенс закрывал руками глаза. Только бы не потерять глаза! Как я буду рисовать? И снова эти руки, и снова. И казалось уже, что они никогда и не были ласковы с ним, не исследовали его тело, а голос этот никогда не был нежным, не шептал на ухо ласковые слова.

Иногда Ян открывал глаза в надежде увидеть лицо человека, который его так нещадно бил. Кто-то другой... не Никита... кто это? Но он видел только линолеум в коридоре, опять палас в комнате, части мебели, пол, стены, опять пол.

Что-то падало и разбивалось, тяжело хлопнул мольберт, загремел об пол телефон, рухнула этажерка, и глухо захлопали книги. За что?! Это не я тебе изменял! Это ты! Слова не шли дальше горла, а Панфилов молчал и только резко выдыхал носом, когда поднимал уже и так безжизненно обмякшее тело для нового броска... Казалось, это издевательство длиться уже слишком долго, чтобы остаться в живых.

Ян лежал лицом вниз. Внутри справа что-то царапало, кололо, толкало и жгло. Ребра? Никита, за что ты меня так? Это не ты... И вдруг он почувствовал, что руки стаскивают с него штаны. Нет. Только не это.

– Никита! За что? – хрипел он сквозь боль. – Что ты делаешь...

И ни слова в ответ.

– Никита, мне больно... дышать... трудно – сипел Рубенс через час, когда попытка закончилась. Он не мог встать, не мог сесть, не мог пошевелиться, даже перевернуться на спину не получилось. Каждый вдох и выдох отдавались невыносимой болью во всем теле. Он чувствовал в горле вкус крови. – Вызови врача... Я же умру... – последнее слово совсем где-то потерялось...

– Алло, «скорая»? Примите вызов. Здесь избили человека. Очень серьезно. Похоже на перелом ребер и внутреннее кровотечение. Возможно, легкое порвано... Я? Друг. Пришел, а он лежит.

– Никита... что с тобой стало...

Панфилов ногой перевернул Яна на спину.

– Хватит ныть. Расплакался тут, как девка. Больно, что ли? – он проговаривал слова опять тихо и подчеркнуто четко, натягивая на Рубенса джинсы и застегивая ремень, – Ты у нас мальчик сильный, выдержишь, – и хлопнул Яна по бедру, – Чего ты смотришь так жалостливо? Тьфу! Противно. Подумаешь, порвал маленько, не рассчитал чуток. Ничего, зашьют, если что, – и он пошел мыть руки, а потом открывать дверь «скорой». Как в тумане зашептали вокруг чьи-то ноги, застучали вопросы. Кто-то наклонился над ним, проверил пульс, приподнял веко, но Ян ничего уже не видел.

Очнулся в палате – большая, белая, со всех сторон что-то постукивает и плачет. Слева и справа еще несколько коек. Реанимация? Рядом сидел человек в милицейской форме.

Сказать – кто? Нет. Скажу, что я их не знал.

Почти неделя в реанимации, трубки из носа, трубки из легких, каждые два часа уколы и унижительный катетер. А рядом – такие же полутрупы, трубки, стоны. Хрустят резиновые подошвы медсестер, звякают в эмалированные лотки использованные иголки. Звуки носятся по огромному кафельному помещению, отлетают от стен и ищут место, где приземлиться, поселяются в твоих ушах. И кажется, что все вокруг мертвы, а врачи и сестры – фантастические машины: не говорят ни слова, и выполняют, по сути, одни и те же движения, – проверяют капельницу, смотрят на аппараты над головой, заглядывают в глаза, что-то пишут в карту и уходят. Все нереально, и кажется, что ты в другом измерении, где нет ни Жуковского, ни Каретного, и вообще ни одного человека из тех, кто мог бы тебя понять. Пустота и одиночество.

И думаешь, что никто никогда не придет. Опять. Как когда-то давно, посреди междугородной трассы...

Ян вообще не верил, что его когда-нибудь выпишут, и очень удивился, когда через несколько дней был переведен в общую палату. Там оказались живые люди. Реальность потихоньку возвращалась.

Дня через два под вечер пришла Света. Он ее совсем не ждал...

– Здравствуй, миленький, как ты?

– Плохо... – еле выдавил Ян.

– Я знаю, кто это сделал.

– Не говори никому...

– Янчик, светлая ты душа... Сдай ты его. Ты ведь о нем ничего не знаешь...

– Я прожил с ним год.

– И все равно ничего не знаешь...

Что Ян должен знать? Что все время был у него не один? Он уже понял. Света только вздохнула, с еще большей нежностью и нескрываемой жалостью глядя на Яна. Он смотрел на нее из-под бинтов:

– Я когда-нибудь тебя нарисую. Ты красивая.

Света слегка улыбнулась. Болезненно худая, невысокая, ярко-рыжая, и лицо все в веснушках, и глаза большие-большие, а ресницы темные. Рубенс понял, что ее лицо его успокаивает. Они долго молчали.

Боже мой, милый мальчик, как рассказать тебе теперь, что твой любимый человек продает своих подопечных? Что он устроил публичный дом из того, что должно было стать убежищем для этих ребят? А ты жалеешь его, не хочешь его выдавать... Как тебе сказать? Ты же умрешь от горя...

– Света, найди моих родителей. Пусть ко мне придет Жуковский. Я дам тебе телефон.

– Хорошо, найду.

– Только не говори ему! Скажи, что я просто подрался на улице.

– Он не поверит...

– Скажи, что их было несколько.

– Ты сам все расскажешь. Хорошо?

– Хорошо.

– Я приду к тебе еще. – И она хотела встать.

– Скажи мне... – остановил ее Ян, – Мы ведь с тобой никогда толком не общались... Ты давно знаешь Никиту?

– Да. Я была девушкой его старшего брата. Когда он погиб, мы решили с Никитой, что останемся рядом.

– Ты с ним спала?

– Давно.

– Он всегда был таким?

– Нет. Он очень изменился в последние два года.

– Почему?

– Деньги. Легкие деньги.

– Откуда?

– Я потом расскажу. Расскажу. Но – потом.

– Он может стать прежним?

– Вряд ли... – Света медленно покачала головой.

Никита всегда был склонен к жестокости, и брат был единственным, кто мог удерживать его, удерживать. Какое-то время Света была таким человеком, но когда Никита увлекся мальчиками, отдалился и постепенно превращаясь в совсем другого человека...

– Но ведь это не из-за мальчиков? мы... не все такие.

– Нет. Это от вседозволенности... Янчик, пойми, Никита – состоявшийся преступник.

– Не говори так...

– Не говорить? Ты посмотри, что он с тобой сделал!

– Света... не надо.

– Что не надо? Не надо напоминать тебе, что ты лежишь в гипсе? Что капельницу до сих пор не снимают?! Что только позавчера ты стал дышать самостоятельно?! Прости... я не буду больше... – она похлопала себя по губам кончиками пальцев. – Но ты так наивен! Ты всем веришь... Так нельзя. Тебя очень легко обмануть.

– Я прожил с ним год, Света. Это был очень хороший год. Я не хочу его перечеркивать.

– Он его перечеркнул! И тебя не спросил. Сдай его. Расскажи им...

Ян не ответил.

Света встала, поцеловала его в лоб, обещала, что найдет Жуковского и придет еще, и вышла из палаты. А Ян подумал, что слезы вообще отвратительны, но еще более отвратительны, когда стекают по вискам в уши.

Пришла медсестра, вытерла ему лицо, сменила капельницу, проверила трубки, напомнила про кнопку вызова и вышла. Ночь Рубенс проспал беспокойно. Опять все ныло и болело, постоянно текли слезы. Хотелось перевернуться, любое движение причиняло боль. Ужасная ночь.

И вдруг откуда-то из прошлого прозвучала фраза:

– Ну что, сосед! Глазки раскрой, на меня погляди.

Рубенс почувствовал, как сквозь веки пробивается солнечный свет. На стуле возле кровати, в накинутом на плечи белом халате, развалился Каретный. «Олег!» – хотел закричать Ян, но из горла вырвался только хрип.

– Вижу, вижу: рад. Не напрягайся. Я тоже рад. В экстазе! Смотрю на тебя и думаю – какое счастье на этот раз случилось с моим соседом? Какая радость! Нечеловеческое везение!

Рубенс улыбался, не сводя с Олега глаз:

– Как ты меня нашел?

– Молча... Так что? Говоришь, ты этих подонков не знаешь?

– Нет...

– Ага, – и Каретный подался на стуле вперед, – значит, говоришь, зашел в квартиру, а тут тебя и схватили?

– Да.

– Говоришь, воры были?

– Откуда ты знаешь, что я говорил?

– Догадайся.

– Я только лейтенанту говорил.

– Ну вот и умница. Больше говори лейтенантам.

– Но...

– Тихо. Если ты думаешь, что тебе кто-то верит, ты сильно ошибаешься. И врачи на «скорой» – не дураки, и я не дурак. Знаешь, что врач со «скорой» сказал? Что человек, что встретил их в квартире, был взмокшим, вспотевшим. Понял? – Ян помотал головой. – А костяшки на руках у него были стерты. Не сбиты, стерты. Обо что-то не слишком твердое. То есть, по морде он никого не бил, но то, что бил – врач не сомневается. А еще я читал твою карту. Увлекательнейшее чтиво. Сотрясение мозга, двадцать восемь гематом разной степени тяжести. Спиральный перелом локтевой кости. Он тебе руку выкрутил с такой силой, что сломал. Удерживал?

– Я не помню...

– Никак не сдаешься, да?... – цокнул Каретный. – Еще два закрытых перелома, три трещины в разных костях, внутреннее кровотечение, разрыв легкого. И не только легкого! – торжественно заключил он.

– Господи... – Ян отвернулся.

– Продолжать?

– А есть еще что-то? – шепотом спросил Ян.

– Есть. Есть имя... Имя. Скажешь?

– Я не знаю...

– Ну, тогда я знаю. Никита Панфилов его зовут. – Рубенс широко открыл глаза и уставился на Каретного. – Слушай меня, сосед. Я понимаю, почему ты его ментам не сдашь. Очень понимаю. Правильно. Суды, свидетельские показания, очная ставка, следственный эксперимент. Сплошное издевательство. А потом твое дело будут вслух зачитывать следяки своим друзьям на какой-нибудь попойке... Да, да, стыдно. Но это всё опять сопли. Он и так под подозрением, все ждут только твоего заявления. Его не будет, я понял. Но хочу другое сказать. Ты хоть знаешь, чем твой дружок занимается уже больше года? – Ян опять помотал головой. – Хочешь знать?

– Нет...

– Правильно. Побереги нервы. Но либо разуй глаза и догадайся, либо ты все-таки дурак. А ты – дурак! – вдруг заорал Каретный, резко встал и заходил по палате. – И не реви опять! Терпеть не могу... У меня сегодня день рождения, между прочим. Совершеннолетие по-американски. Можешь меня поздравить... Не слышу!

– Поздравляю... – тихо-тихо, еле-еле произнес Ян.

– А ты мне тут – такой подарок!... специально ты, что ли вляпался... Два года у тебя тишь да гладь. Я уж подумал, что и не будет повода больше увидеться. А тут – на тебе.

– А ты за два года не изменился совсем, – Рубенс попытался сквозь слезы улыбнуться.

– Да? – Каретный снова сел.

– Ага. Такой же хам, – шмыгал Рубенс.

– Хам, да. Это я. А как ты хочешь? Это работает. Я просто сопли не жую, ты же знаешь.

– Я про тебя иногда в газетах читаю, – Ян все шмыгал и шмыгал, и надеялся, что про Панфилова Олег больше не заговорит, – Ты крутой.

– Все круче и круче! – и Каретный довольно усмехнулся, – Но давай-ка продолжим. Я могу его наказать.

– Не надо.

– Ты – точно дурак.

– Я прошу тебя, не надо...

– Ты идиот.

– Не надо.

– Ты просто придурок.

– Хватит.

– Я могу уйти, сосед. И никогда не появляться больше.

– Не уходи...

Олег долго молчал, сложив руки на груди, и разглядывая лицо Яна.

– Да... кто ж тебя тогда защитит...

– А зачем тебе меня защищать? Я же просто...

– Слушай, мне твоя исповедь нахрен не нужна, я в курсе, кто ты... Но человек ты хороший, – и Олег как-то полувиновато усмехнулся. – Таких мало... – Ян удивленно вскинул на него взгляд. Каретный глаз не отвел. – Мало, – повторил он. – Уж я-то знаю...

– Его ты знаешь?

– Лично – нет. О нем – да.

- Зачем?
- Зачем знаю? Работа у меня такая. Знать всех – и на своем, и на соседних полях.
- А тебе есть, что с ним делить?
- Мне – нечего. Другим есть что. Мне жалуются.
- На что?
- Ты же только что сказал, что знать не хочешь! Вот и не знай, раз сам не допетрил.

Зачем тебе теперь?

- Нет. Ты уже второй, кто говорит о каких-то его делах. Скажи мне.

Каретный тяжело вздохнул, не сводя глаз с Рубенса:

– Дурачок ты, дурачок... Мне девки мои жалуются: он своими мальчиками у них клиентов уводит.

- Нет.
- Да.
- Нет...
- Да еще раз. Твой дружок – молодец: нашел нишу.
- Не верю...
- Да ради бога.

Долго молчали. Очень долго. В какой-то момент Ян выпал из реальности. Наплывали воспоминания – счастливые, теплые... Наивные. Разбитые. Раздробленные о мебельные углы, беспощадно скрученные за спину... Хотя Ян и без этого не в состоянии был сопротивляться.

Каретный наблюдал.

- Да очнись, сосед... я тебе больше скажу – ты был единственным, кого он не продавал.
- Мне бы кто-нибудь из них сказал...
- И кто ж тебе такое скажет?
- Я же с ними со всеми общался...
- Общался, да не о том. Я тебя уверяю, они и между собой ничего не обсуждали. Панфилов твой – тот еще змей... он их всех так придавил, там мало никому не кажется... Ну хорошо, давай опять помолчим, – Каретный недовольно скрестил руки на груди и закатил глаза.

- Олег... Почему ты мне не сказал раньше? Почему ты меня не нашел?
- Еще чего? Если у тебя все зашибись, я тебе зачем? А твой выбор – твое дело.
- Боже мой, как мне стыдно...

- Опять начинается!
- Они все смотрели на меня, и что они думали?
- Тебе какая разница, что они думали?
- Большая! Я тоже должен был быть среди них!

– Ну, я думаю, что и стал бы, в конце концов. Только ведь ты бы не выдержал. Ты бы на себя руки наложил.

- Наложил бы...
- А может, и не только ты...
- В смысле?

– В смысле, в другие тоже могли не выдержать. Ребята приходят, потом пропадают. Панфилов говорит, что человек уехал из города, и все ему верят. А сколько народу у вас так «уехало»?

- Боже мой, – Рубенс хотел поднять руки, чтобы закрыть лицо. Не получилось...
- Да не расстраивайся, сосед. Далеко не все они покончили с собой. Кто-то просто попал в больницу, как ты... Ладно, хватит на сегодня, пора мне. У меня там ресторан, девки, все дела... А ты подумай, – Каретный встал, и уже в дверях обернулся, – я зайду через денек.
- Подожди!
- Да?

– Что ты хочешь с ним сделать?

– Тебе зачем знать? Это мои дела, – Каретный снова закрыл дверь в палату. – Не убью, это точно.

– Мне мальчишек наших жалко...

– Да ты что? Не может быть.

– Пусть он в тюрьму сядет...

– С ума сойти. Рубенс! Ты не от мира сего. Тебя твоя собственная задница заботит меньше, чем чужая. Не понимаю.

– Пожалуйста, закрой его... если сможешь... – грубость Каретного Рубенс проигнорировал.

– Закрою.

– Только не убивай никого.

– Пусть живут, – Каретный кивнул и вышел.

«Хотя, знаешь, как получится... – пробормотал он уже за дверью... Хороший вышел маневр. Люблю ощущать себя санитаром леса...» И он быстро зашагал по больничному коридору. Впереди и сзади по двое шли охранники, один из них подал ему большущий как кирпич мобильный телефон. Каретный набрал номер.

– Это я. Помнишь наш вчерашний разговор?... Стартуй.

Он отключил трубку и с чувством выполненного долга направился к своему кортежу.

Извините, я опоздал

Четверых «кашеваров» бойцы Каретного выследили в тот же вечер. Расправа была циничной. В понедельник после уроков, всех четверых собрали в спортзале, принесли четыре ведра, доверху наполненных давно остывшей овсянкой. По старшим классам пустили сарафанную весть: сейчас в спортзале будет спектакль. Режиссер – Бандос. Приглашаются все желающие. Будет весело.

Народу собралось прилично. Каретный пришел сам. Четверка стояла на коленях посреди зала, перед каждым – по ведру.

– Эти люди обидели моего друга. Обидели некрасиво. Мне это не понравилось. – Олег в такт речи вышагивал перед коленопреклоненными, заложив руки за спину. – Я хочу, чтобы все поняли: это ждет каждого, кто осмелится повторить их подвиг, – остановился. – Бить не буду. Неинтересно... Жрите, уроды. Каждый – по ведру. И жрите лучше сами. Иначе будем в глотку силой запихивать. Сожрать всем и всё. Что вылезет обратно, будете вылизывать, так что лучше не блевать. Если кто-то думает, что я шучу, то он сильно ошибается. Вопросы?

Через полчаса в зале остались только самые выносливые зрители. «Кашевары» ели уже не только кашу, но и свои слезы, и все остальное – тоже свое. Каретный не давал им сказать ни слова, понимая, что будут умолять пощаде. Неинтересно.

Он ушел, оставив своих молодцев проследить за тем, чтобы ведра опустели, а в зале навели чистоту и порядок.

Школа замерла. Олег шел по коридорам, встречаемый и провожаемый тишиной тех, кто еще не ушел домой. С него не сводили глаз, но никто не решался ни сказать, ни спросить. Позади вышагивали близнецы, двумя классами младше – два верных пса. Каретный был как всегда спокоен и непроницаем. Школа ждала от него злорадства, наслаждения жестокостью и выражения превосходства...

Подходя к выходу, Олег уже забыл об экзекуции в спортзале. Нужно проводить Рубенса домой и забежать в одно место, договориться об одном дельце.

Ян стоял за углом, курил. Поодаль – два бойца Каретного – сторожили. Рубенс ничего не знал о том, что произошло сейчас в спортзале. Его до сих пор колотило от прожитого дня, но он понял, что выиграл. Эту битву он выиграл. И это была самая серьезная битва в его жизни. Он не знал, что все остальные, несмотря на их несоизмеримо большую географическую масштабность, будут лишь бледным отражением битвы этой – первой настоящей схватки с обществом.

Сегодняшнее утро началось в половине пятого. Проснулся, ходил по комнате, пил кофе, курил. Около пяти на кухню вышел Жуковский.

– Волнуешься?

– Очень.

– Не кури слишком много. И кофе тоже много не пей. Трясти будет.

– Меня и так трясет.

– Ничего, сын, ты справишься.

– Надеюсь, – Ян не отрывал взгляд от окна, но ничего там не видел. Он наблюдал за своим перепуганным воображением, рисовавшим слишком много вариантов развития событий сразу.

– Тебе надо доспать. Ты не должен сегодня показаться больным и слабым... Сын, ты слышишь меня?

– Конечно, слышу. Ну не могу я уснуть...

И вдруг зазвонил телефон. Ян почему-то схватил трубку.

– Алло?

Секунда тишины, а потом – впервые за три недели лицо Рубенса осветилось настоящей радостью. В трубке отозвался голос Каретного:

- Я знал, что не спишь.
- Не могу.
- Понимаю. Но надо.
- А ты почему не спишь?
- Дело было.
- В пять утра?
- Неважно. Тебе надо спать, сосед. У тебя сегодня будет тяжелый день. Очень тяжелый.
- Очень тяжелый, – машинально повторил Рубенс.
- Но раз не спишь, значит, день-то будет. Решился-таки.
- Решился.
- Молодец. Я, если честно, боялся, что ты меня разочаруешь.
- Нет.
- Это хорошо. Ложись спать. Ты меня понял? Ложись.
- Да.
- В восемь тридцать семь ты зайдешь в класс. Да?
- Да.
- А сейчас спи. До встречи, – и Каретный положил трубку.

Ян завернулся в одеяло по самый нос. Ему казалось, что он один сейчас не может уснуть, он не знал, что в их доме не спит сейчас никто, а старшие Жуковские и вовсе не ложились. Что-то сегодня будет? Все их надежды сосредоточились на одном странном человеке, по имени Олег Каретный. Ему невозможно не верить, он за двадцать минут сделал то, что Жуковские все вместе не смогли сделать за три недели. И вот сегодня – и кульминация, и развязка, сегодня всё должно разрешиться.

Минут через пятнадцать Ян, наконец, уснул.

Коридоры школы, казалось, как будто вернулись из прошлой жизни. Не он вернулся к ним, а они к нему. Вот здесь они проходили с Денисом... И здесь проходили... И тут. Они везде проходили... Пусто. Уроки начались. На часах – восемь тридцать четыре.

Он идет по этим коридорам, ему страшно, но он знает, что если не пройдет по ним сейчас, если не зайдет в ту дверь, если не пройдет весь этот страшный путь сегодня, то на всю жизнь ему придется спрятаться под одеялом. Каретный был прав. И он идет.

Восемь тридцать семь. «Входи без стука», – вспомнил он слова Каретного и взялся за дверную ручку, прислушался: что-то диктует голос русички. И сердце колотится. И за ребрами, и под ребрами – все дрожит, все мается. Он вдруг почувствовал свой позвоночник, и с ужасом подумал: а если там нет Каретного?! А вдруг что-нибудь случилось, и он сам не пришел? Стало дурно. Милиция, армия, банда соседнего района – все что угодно! Восемь тридцать восемь... А вдруг? Никаких вдруг. Или я иду – или нет... И он рванул дверь.

– Здравствуйте! Извините, я опоздал! – и он увидел глаза Каретного. Здесь! – Можно войти?

Аккуратно закрыл за собой дверь, усердно изображая, что ремень школьной сумки настырно пытается соскользнуть с плеча. Он сделал свой взгляд: легкое смущение, скромное кокетство, осознанное подчеркивание собственной неотразимости. А вся фигура – нарочитая неуклюжесть. Ах, я так виноват, так виноват! Он все еще стоял в дверях, русичка смотрела на него с удивлением и восхищением: пришел! Проходи, конечно! Ты поправился? Да, спасибо! Он широкими шагами подошел к парте. На ходу кинул на нее сумку, потом, прокрутившись на одной ноге, развернулся и почти упал на стул – свободно и показательно непринужденно. «Ай, молодец!...» – кинул глазами Каретный. И они пожали друг другу руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.